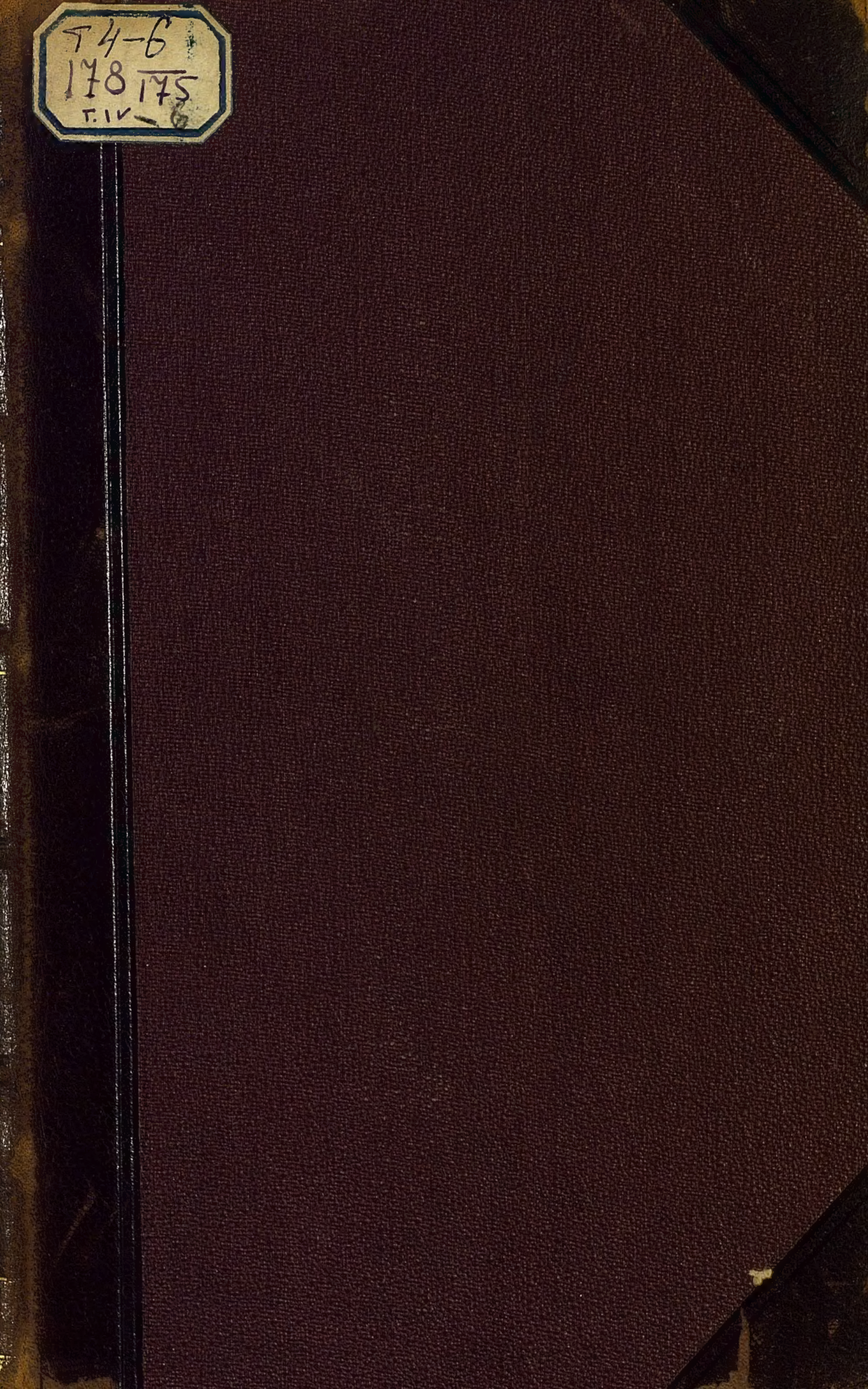

Т 4-6
178 175
Т. IV 6

В. В. Назаревскій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

VI.

1881—1894.

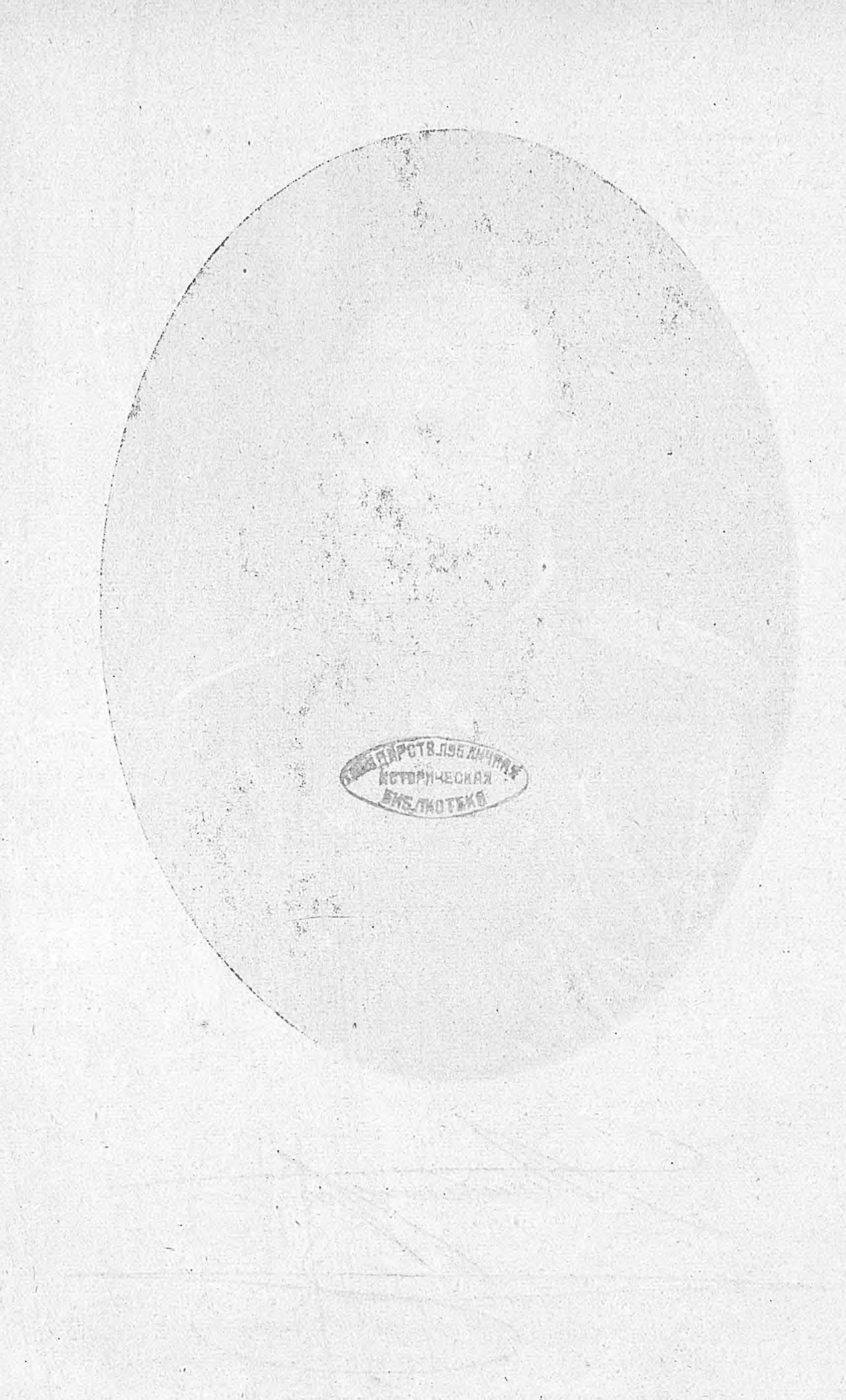
Съ 63 рисунками.

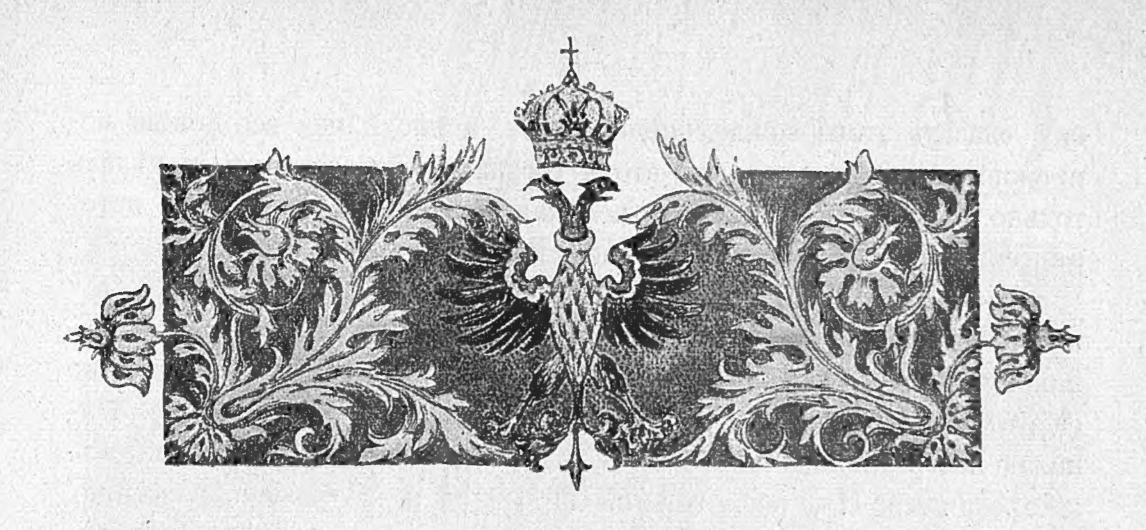

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1910.

Императоръ Александръ III.

I.

Дѣтство и отрочество императора Александра III.—Его воспитаніе и учителя.—Дружба его съ старшимъ братомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.—Смерть послѣдняго.—Женитьба Александра Александровича и его престолонаслѣдничество. — Участіе въ государственныхъ дѣлахъ и въ войнѣ 1877—1878 годовъ. — Восшествіе на престолъ.

Царствованіе императора Александра Александровича продолжалось менѣе 14 лѣтъ; но эти два семилѣтія имѣютъ огромное значеніе не въ одной Русской исторіи. Примѣчательно, что это значеніе основывается не на войнахъ, которыхъ при этомъ государѣ совсѣмъ, и притомъ нигдѣ, не было, и не на широкихъ преобразованіяхъ, къ которымъ и не былъ склоненъ этотъ государь, а на могучемъ его вліяніи на жизнь Россіи, которое сильно отражалось и на теченіи міровыхъ событій. Его преждевременная кончина произвела не только у насъ, но и во всемъ мірѣ потрясающее впечатлѣніе, какого, какъ мы увидимъ послѣ, не производила смерть ни одного изъ самыхъ могущественнѣйшихъ историческихъ дѣятелей. Перечитывая снова, что въ свое время говорилось о смерти этого Русскаго царя въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, находишься подъ впечатлѣніемъ, что отъ этого монарха всѣ народы ждали какого-то великаго поворота въ исторіи, который крайне нуженъ, но котораго они сами, при наличныхъ силахъ, совершить не могли. Во всеобщемъ надгробномъ плачѣ по Александрѣ III слышится сознаніе, что въ его колоссальной и справедливой волѣ заключалась великая и благодатная для всѣхъ сила, что ему предлежало сказать то слово, которое всѣхъ успокоитъ, всѣхъ умиротворитъ. Но смерть не дала

ему сказать этого вожделѣннаго слова, и послѣ нея все пошло попрежнему... Одно ясно, что этотъ государь могъ говорить и дѣлать только то, что ему внушала великая, тысячелѣтняя русская историческая идея и православная царская совѣсть.

Какъ и императору Николаю I, рожденіе не предназначало великому князю Александру Александровичу царствованія, которое по смерти отца должно было принадлежать его старшему брату Николаю Александровичу, съ 1855 года объявленному наслѣдникомъ-цесаревичемъ. Но, несмотря на дарованія и глубокое образованіе, какое царственные родители дали своему первенцу, престолъ перешелъ къ ихъ второму сыну Александру. Онъ родился 26 февраля 1845 года и нареченъ этимъ именемъ въ честь своего отца и дѣда Александра Благословеннаго. Крестнымъ отцомъ его былъ другой его дѣдушка—императоръ Николай Павловичъ, самъ принявшій его отъ купели въ соборѣ Зимняго дворца.

Родители дали тщательное воспитаніе и образованіе своему сыну. Въ раннемъ возрастѣ воспитателемъ его былъ Н. В. Зиновьевъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ русскаго закала. Онъ окружилъ своего питомца простой, задушевной русской атмосферой. Съ 1860 года, когда великому князю исполнилось 15 лѣтъ, его воспитаніе и вмѣстѣ его брата Владиміра Александровича перешло въ руки графа Б. А. Перовскаго, даровитаго и благороднѣйшаго человѣка, который, сохранивъ прежнюю добрую атмосферу, расширилъ благотворныя вліянія на своего воспитанника, какъ со стороны обученія, такъ и отъ самой жизни. Въ эту же пору началось взаимное вліяніе двухъ братьевъ—цесаревича Николая и великаго князя Александра. Первый, какъ старшій, имѣлъ своего воспитателя, въ лицѣ выдающагося по своей образованности графа С. Г. Строганова, и получилъ болѣе обширный кругъ занятій по научнымъ предметамъ и по ознакомленію съ государственными дѣлами. Между царственными братьями установились горячая дружба и благотворный обмѣнъ вліяній, взаимно себя восполняющихъ. Если старшій братъ восполнялъ въ младшемъ познанія по тѣмъ предметамъ, какихъ тотъ еще не изучалъ, то, въ свою очередь, вліялъ на брата и Александръ Александровичъ своими мѣткими, практическими сужденіями, сдерживающими мечтательныя увлеченія, а въ особенности своею поразительной искренностью, твердой прямотою и кристальной, какъ выражался цесаревичъ, честностью своего характера. Оба брата имѣли и общихъ

Государыня Императрица Марія Өеодоровна.

Императоръ Александръ II.

наставниковъ: не только законоучителей Бажанова и Рождественскаго, но и преподавателей по другимъ предметамъ. Такъ, М. И. Драгомировъ преподавалъ обоимъ военную исторію и тактику, К. П. Побѣдоносцевъ—законовѣдѣніе, С. М. Соловьевъ—Русскую исторію. Своимъ преподаваніемъ они придали образованію Александра Александровича русскій, національный характеръ. Вліяніе же на своего ученика К. П. Побѣдоносцева было такъ велико, что онъ и въ его царствованіе имѣлъ большое значеніе въ государственныхъ дѣлахъ. Высоко цѣнилъ своего профессора Отечественной исторіи Александръ Александровичъ: по случаю его кончины онъ трогательно выразилъ въ письмѣ своемъ ко вдовѣ С. М. Соловьева, что онъ „дѣлитъ со всѣми рус-

Императрица Марія Александровна.

скими людьми скорбь объ этой невозвратной потерѣ и чтитъ въ немъ не только ученаго и талантливаго писателя, но и человѣка добра и чести, вѣрнаго сына Россіи, горячо принимавшаго къ сердцу и въ прошедшихъ и въ будущихъ судьбахъ ея все, что относится къ ея славѣ, вѣрно хранившаго въ душѣ своей святую вѣру и преданность Церкви, какъ драгоцѣннѣйшій залогъ блага народнаго". Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ многосторонне и глубоко интересовался Александръ III Русской исторіей и памятниками нашей родной старины. Но еще раньше онъ глубоко перечувствовалъ ее въ поэтическихъ разсказахъ на историческія темы Загоскина и Лажечникова.

В. к. Александръ Александровичъ въ дѣтствѣ.

Второму изъ этихъ писателей впослѣдствіи Александръ Александровичъ писалъ: „Мнѣ пріятно заявить, что *Послѣдній Новикъ*, *Ледяной Домъ* и *Басурманъ*, вмѣстѣ съ романами Загоскина (*Юрій Милославскій* и друг.), были въ первые годы молодости любимымъ моимъ чтеніемъ и возбуждали во мнѣ ощущенія, о которыхъ я теперь съ удовольствіемъ вспоминаю. Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу"...

Путешествіе цесаревича Николая Александровича по Россіи, въ сопровожденіи профессоровъ Побѣдоносцева и экономиста Бабста, повело къ живой перепискѣ между двумя братьями. Но, по возвращеніи въ Петербургъ, у старшаго изъ нихъ появились зловѣщіе признаки роковой болѣзни. Младшій утѣшалъ и ободрялъ его и разсѣвалъ мракъ души страдальца. Болѣзнь, однако, дѣлала свое дѣло. Ни старанія врачей, ни теплый климатъ Ниццы не спасли царственнаго юноши: онъ скончался 12 апрѣля 1865 года. У постели его стояли въ ногахъ

12-ти лѣтъ.

15-ти лѣтъ.

20-ти лѣтъ.

22-хъ лѣтъ.

Великій князь Александръ Александровичъ.

Цесаревичъ Николай Александровичъ.

царственные отецъ и мать. За одну руку держалъ его Александръ Александровичъ, за другую невѣста умиравшаго—юная принцесса Дагмара, дочь датскаго короля. Прощаясь со всѣми, онъ сказалъ брату: „Оставляю тебѣ тяжелыя обязанности, славный тронъ, отца, мать и невѣсту, которая облегчитъ тебѣ это бремя", и, какъ бы благословляя юную чету, вложилъ въ руку брата руку своей невѣсты и завѣщалъ ей любить его чистую и правдивую душу. Воспроизводимъ на слѣдующей страницѣ письмо новаго цесаревича по поводу этого событія, ярко характеризующее его личность.

Въ томъ же году великій князь былъ провозглашенъ наслѣдникомъ-цесаревичемъ, принесъ присягу на вѣрность государю, а въ слѣдующемъ году, по присоединеніи принцессы Дагмары къ православной Церкви съ именемъ Маріи Θеодоровны, послѣдовало бракосочетаніе ихъ высочествъ. Московскій митрополитъ Филаретъ писалъ новобрачнымъ: „Да будетъ супружескій союзъ вашъ полонъ чистой и совершенной любви, да будетъ счастіе семейной жизни вашей облегченіемъ подвиговъ вашей царственной жизни". Наслѣдникъ въ отвѣтъ на это писалъ: „Да будутъ услышаны Всемогущимъ эти

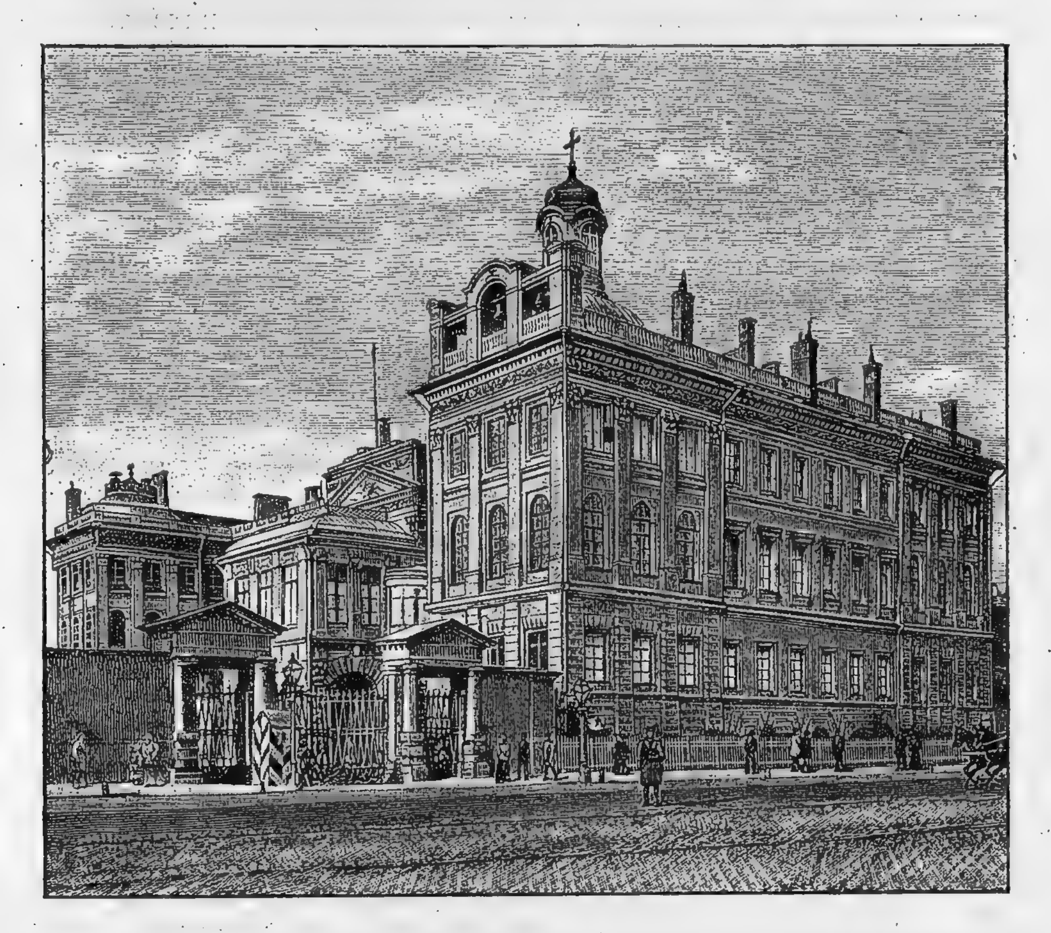
молитвы старѣйшаго и достойнѣйшаго іерарха Русской церкви, да будетъ намъ дано споспѣшествовать благоденствію благочестивѣйшихъ родителей нашихъ и заботамъ чадолюбиваго нашего отца и монарха о горячо любимой Россіи“... Молодые поселились въ Аничковомъ дворцѣ, который въ теченіе 28 лѣтъ давалъ Россіи образцовый примѣръ идеально доброй семейной жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, августѣйшіе хозяева Аничкова дворца по-русски радушно встрѣчали у себя всѣхъ русскихъ людей, тяготившихся тогдашней нашей зависимостью, какъ умственной, такъ и политической, отъ Запада. Сюда на пріемы цесаревича являлись и выслушивались такіе представители нашей образованности, какъ Катковъ, Аксаковъ, Майковъ, Мещерскій, и практическіе дѣятели разныхъ концовъ Россіи. Чрезъ нихъ цесаревичъ старательно знакомился съ ея подлинными нуждами и стремленіями Русскаго народа, заслонявшимися въ Петербургѣ чужедумной интеллигенціей и безпочвеннымъ чиновничествомъ. Благотворное значеніе для сближенія съ народомъ имѣли продолжительныя поѣздки цесаревича по Россіи. Особенно важно было

Вы можете себѣ представить съ какимъ чувствомъ я снова пріѣзжаю въ Ниццу, которая вся съ своимъ великолѣпнымъ воздухомъ, моремъ, климатомъ напоминаетъ мнѣ самую грустную минуту моей жизни. — Пріѣхать простымъ Великимъ Княземъ а уѣхать Наслѣдникомъ трудно и въ особенности лишившись самой моей вѣрной опоры, лучшаго друга и любимѣйшаго брата! — Но, что же дѣлать? это воля Божія и не даромъ мы ежедневно повторяемъ: Да будетъ Воля Твоя

Вашъ Александръ

путешествіе ихъ высочествъ въ 1868 году по Волгѣ, Дону, Крыму и другимъ губерніямъ. Сильное впечатлѣніе на народъ производили усердіе высокихъ путешественниковъ къ храмамъ Божіимъ и ихъ вниманіе къ памятникамъ родной старины и къ самой жизни народа. Оставляя свой пароходъ, они, пѣшкомъ или въ простомъ тарантасѣ, отправлялись въ сосѣднія села, гдѣ ихъ совсѣмъ не ожидали, чтобы

Аничковъ дворецъ.

поближе посмотрѣть, какъ живетъ нашъ народъ и познакомиться съ его нуждами. Ихъ высочества заходили въ крестьянскія избы, въ дома сельскаго духовенства, въ приходскія школы; цесаревичъ много и запросто бесѣдовалъ съ крестьянами объ ихъ хозяйствѣ и о всемъ ихъ житьѣ-бытьѣ, а цесаревна разговаривала съ крестьянками объ ихъ дѣтяхъ, работахъ и нуждахъ. Народъ съ трогательною довѣрчивостью и съ глубокой любовью встрѣчалъ и провожалъ своихъ нежданныхъ, но желанныхъ гостей...

Цесаревичъ и цесаревна.

Цесаревичъ и в. кн. Владиміръ Александровичъ въ 1877 году.

Государственныя занятія цесаревича были очень многообразны: онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ; много занимался военными дѣлами, въ качествѣ атамана казачьихъ войскъ, командующаго гвардіей и войсками петербургскаго военнаго округа и немало присматривался къ морскому дѣлу. Особенно онъ много сдѣлалъ по устройству у насъ „Добровольнаго флота", въ виду угрозъ намъ войною со стороны Англіи. Онъ, волею государя-отца, былъ поставленъ во главѣ комитета по сбору пожертвованій на этотъ флотъ. Быстро стекались сюда денеж-

Въ Рущукскомъ отрядѣ.
Цесаревичъ и его штабъ предъ выступленіемъ въ походъ.

ные взносы, и руководимый цесаревичемъ комитетъ скоро далъ Россіи 8 быстроходныхъ океанскихъ крейсеровъ, представлявшихъ немаловажную величину въ случаѣ морской войны. Въ 1868 году, когда сильный неурожай и голодъ поразили у насъ цѣлый рядъ губерній, цесаревичъ энергически руководилъ дѣломъ помощи пострадавшимъ населеніямъ: разумною закупкою запасовъ хлѣба и недорогой продажей его нуждающимся онъ сразу подорвалъ корыстныя спекуляціи хлѣботорговцевъ, а практическимъ распредѣленіемъ безвозвратныхъ и другихъ пособій народу быстро отвратилъ отъ него бѣду. Это живое дѣло сблизило цесаревича со многими практическими дѣятелями отдаленныхъ мѣстностей Россіи и обогатило его немаловажными жизненными познаніями.

Особую важность, какъ приготовительной ступени къ предстоявшему трудному царствованію, имѣло участіе наслѣдника-цесаревича въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг.

Какъ извѣстно (см. „Русскую исторію", V, II, стр.120—126), командуя Рущукскимъ отрядомъ, наслѣдникъ-цесаревичъ весьма счастливо разрѣшилъ трудную и отвѣтственную задачу защитить лѣвый флангъ главной нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ отъ огромнаго количества непріятельскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ такихъ серьезныхъ предводителей, какими были Мегметъ-Али и Сулейманъ. Въ цѣломъ рядѣ стратегическихъ предпріятій и битвъ Александръ Александровичъ явилъ себя въ высшей степени осторожнымъ, настойчивымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлымъ полководцемъ, довольствовавшимся, сравнительно съ непріятелемъ, несравненно меньшимъ количествомъ силъ и средствъ. Заботливый о своихъ сподвижникахъ, начиная съ военачальниковъ до простыхъ солдатъ включительно, онъ спокойно и бодро дѣлилъ съ ними лишенія и опасности: жилъ въ палаткахъ, въ баракахъ и болгарскихъ избахъ, которыя въ несобственномъ, а переносномъ смыслѣ назывались „дворцами". Съ чрезвычайной теплотой онъ относился къ страданіямъ раненыхъ и больныхъ воиновъ. Глубоко скромный, по своему характеру, онъ избѣгалъ всякаго шума, блеска и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ безгранично преданъ былъ волѣ Божіей. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ августѣйшей супругѣ своей онъ говорилъ: „Во всемъ, что дѣлается на землѣ, есть воля Божія, а Господь, безъ сомнѣнія, ведетъ судьбы народовъ къ лучшему, а не къ худшему, если они, конечно, не заслужили полнаго Его гнѣва. Поэтому да будетъ воля Господня надъ Россіей, и что ей слѣдуетъ исполнить и что ей дѣлать, будетъ ука-

Цесаревичъ съ своимъ штабомъ въ главной квартирѣ Рущукскаго отряда, въ Обретенникѣ въ Болгаріи.

зано Самимъ Господомъ. Аминь“. Эта преданность волѣ Божіей поддерживала цесаревича и на войнѣ и во всю его жизнь...

Среди сподвижниковъ цесаревича въ Рущукскомъ отрядѣ все еще живутъ трогательныя воспоминанія о проявленіяхъ мужественнаго и самоотверженнаго характера этого выдающагося царственнаго вождя нашихъ войскъ. Объемъ этого курса русской исторіи дозволяетъ намъ привести лишь одинъ изъ эпизодовъ, слышанныхъ нами отъ очевидца[1]).

Побѣда подъ Аблавой (Абланово тожъ, см. царствованіе императора Александра II, стр. 120—126) разстроила планъ Мехмета-Али и остановила въ данную минуту его наступленіе, но все же эта побѣда не улучшила рискованнаго положенія Рущукскаго отряда.

Состоящій всего изъ двухъ корпусовъ—12-го (великаго князя Владиміра Александровича) и 13-го (генералъ-лейтенанта Гана), отрядъ этотъ былъ растянутъ, распоряженіемъ главнокомандующаго, по линіи рѣки Лома, на 80-верстномъ пространствѣ, имѣя противъ себя 100-тысячную армію Мехмета-Али, опирающуюся на Рущукъ, Разградъ, Шумлу и Османъ-Базаръ. Цѣль отряда была: держать связь съ нашими войсками у Тырнова со стороны Османъ-Базара и охранять позади себя рѣку Янтру отъ наступленія противника со стороны Рущука, Разграда и Шумлы. Подкрѣпленій къ Рущукскому отряду, въ виду общаго положенія дѣлъ на театрѣ войны, ожидать было невозможно. На рѣкѣ Янтрѣ былъ городъ Бѣла, важный, какъ узелъ дорогъ къ Плевнѣ, Тырнову и къ нашей, тогда единственной, переправѣ чрезъ Дунай, къ Систову. Отступать на Янтру было немыслимо, за нею непосредственно лежала главная артерія всей нашей арміи, единственный путь подвоза изъ Систова продовольствія и подкрѣпленій.

Въ день Аблавскаго боя, 24 августа 1877 года, расположеніе войска было слѣдующее:

1) У самаго Дуная великій князь Владиміръ Александровичъ съ 12 тысяч. войска противъ 10 тысячъ войскъ въ Рущукѣ.

2) Въ слишкомъ 20 верстахъ къ югу, въ Аблавѣ, центръ всего расположенія войскъ Рущукскаго отряда, генералъ-лейтенантъ бар. Дризенъ съ 16 тысяч. войска противъ 55 тысячъ разградской арміи

---

[1]) Генералъ-лейтенанта М. П. Степанова, бывшаго старшаго адъютанта штаба цесаревича въ Рущукскомъ отрядѣ.

Цесаревичъ и его штабъ въ Болгаріи.

3) Въ 15 верстахъ южнѣе 15 тысячъ 13-го корпуса генералъ-лейтенанта Гана противъ 25 тысячъ южно-турецкой арміи.

Южнѣе 13-го корпуса находился 11-й корпусъ Тырновскаго отряда, 18 тысячъ противъ 18 тысячъ Османъ-Базарскаго отряда.

Послѣ Аблавскаго боя, невзирая на пораженіе, у Мегмета-Али было такое громадное превосходство въ силахъ, что онъ могъ, выставивъ лишь незначительный заслонъ противъ Аблавы, двинуться съ остальными силами въ свободный промежутокъ между центромъ и войсками великаго князя Владиміра Александровича и безнаказанно наступать черезъ Широко на Бѣлу.

Узнавъ объ отбитіи атаки турокъ 24 августа и взвѣсивъ общее положеніе, цесаревичъ, находившійся въ расположеніи войскъ 13-го корпуса, въ Ковачицѣ, рѣшился отказаться отъ тяготѣнія къ правому флангу, вызванному опасеніями полевого штаба относительно наступленія турокъ по Османъ-Базарской дорогѣ на Тырново, и, быстро отступивъ, сосредоточиться на пути въ Бѣлу. Отступленіе и сосредоточеніе отряда дѣлалось настоятельною необходимостью, такъ какъ только этимъ можно было спасти оба корпуса отъ частичнаго пораженія и продолжать выполненіе возложенныхъ на отрядъ задачъ. Это было отступленіе, не вызванное пораженіемъ; а напротивъ, побившій врага, парировавшій ударъ противника, отступаетъ, чтобы усилиться, разбить всѣ предначертанія противника и, усилившись своимъ временнымъ отступленіемъ, сосредоточившись, начать поражать непріятеля наступательно. Вся трудность поставленной цесаревичемъ задачи заключалась въ томъ, чтобы успѣть ее выполнить, успѣть, въ виду превосходнаго въ силахъ непріятеля, совершить фланговые марши и предупредить турокъ у Бѣлы, на Янтрѣ. Генералу Дризену, окруженному по дугѣ съ трехъ сторонъ непріятелемъ, надо было, не допустивъ отрѣзать себѣ путь отступленія, отступить по единственному пути въ ущельѣ, загроможденному повозками съ ранеными; великому князю Владиміру Александровичу немедленно итти съ сѣвера на юго-западъ, подставляя противнику свой лѣвый флангъ; генералу Гану—съ юга на сѣверо-западъ, подставляя свой правый флангъ.

Отдавъ приказанія по войскамъ, цесаревичъ со штабомъ переѣхалъ изъ Ковачицы въ Копровицу, на полдороги отъ первой до Бѣлы. Ночью получились неутѣшительныя депеши: начальникъ штаба великаго князя Владиміра Александровича телеграфировалъ, что турки подошли къ Широко. Это отрѣзывало войска великаго князя отъ цесаревича и лишало ихъ возможности прикрыть, какъ

Императоръ Александръ III.

имъ предписывалось, отступленіе генерала Дризена и сосредоточеніе войскъ 13-го корпуса у Бѣлы. Изъ Аблавы доносили, что генералъ Дризенъ не успѣлъ еще очистить путь отъ повозокъ съ ранеными и, слѣдовательно, не могъ еще начать отступленіе; дожди и размытые пути задерживаютъ движеніе 13-го корпуса въ Копровицу, куда съ часу на часъ ожидались головныя части 13-го корпуса, между тѣмъ ни одна часть пока не подтягивалась. Положеніе дѣлалось критическимъ: войска не въ состояніи исполнить приказаніе цесаревича; турки прорвали центръ и на ихъ пути къ Бѣлѣ —

Государыня Императрица Марія Θеодоровна.

одинъ цесаревичъ со штабомъ, безъ войска! Получивъ эти ужасающія донесенія, наслѣдникъ пришелъ въ избу, занимаемую начальникомъ штаба, генералъ-лейтенантомъ Ванновскимъ. Положеніе было тяжкое, хуже чего и придумать нельзя. Цесаревичъ же сохранялъ поразительное спокойствіе, и, глядя на него, можно было бы думать, что рѣшительно ничего угрожающаго нѣтъ! Совѣты сыпались: одинъ предлагаетъ спѣшить его высочеству въ Бѣлу, другой—ѣхать назадъ, въ 13-й корпусъ; третій — еще новый совѣтъ... Выслушавъ спокойно всѣ совѣты, наслѣдникъ замѣтилъ, что всѣ со-

вѣты клонятся къ тому, что *ему* дѣлать, но про войска всѣ какъ будто забыли. Такъ какъ говорили о немъ, то онъ о себѣ скажетъ, что, во-первыхъ, касательно Бѣлы, ѣхать туда ему не къ чему: если турки дѣйствительно въ Широко, то значитъ Владиміръ Александровичъ отброшенъ къ Дунаю; 13-й корпусъ не подходитъ, что же онъ будетъ дѣлать въ Бѣлѣ одинъ? При приближеніи же турокъ ему придется бѣжать въ Горный Студень къ государю, бросивъ войска, не исполнивъ долга, — это немыслимо! Прежде всего онъ не довѣряетъ ночнымъ депешамъ: вѣдь это свѣдѣнія, полученныя ночью отъ разъѣздовъ, когда темно, ничего не видно и когда часто у страха глаза велики. Надо прежде всего провѣрить эти свѣдѣнія, а потому немедленно разослать его конвой, разъѣздами, съ его адъютантами, по всѣмъ направленіямъ къ войскамъ, чтобы узнать дѣйствительное ихъ положеніе и правда ли, что турки у Широко. Вѣдь должны же войска 13-го корпуса сюда, наконецъ, подойти. Отъ нихъ онъ уже не отстанетъ. Если Владиміръ Александровичъ отброшенъ къ Дунаю и отрѣзанъ отъ прочихъ войскъ, то онъ пойдетъ съ 13-мъ корпусомъ во флангъ и тылъ туркамъ выручать брата; если ему это не удастся, и онъ самъ будетъ окруженъ турками, то до конца не оставитъ войска 13-го корпуса; если суждено, по волѣ Божіей, погибать, то погибнетъ съ ними... Разъѣзды разослали, и оказался правъ наслѣдникъ. Непріятель получилъ такой сильный уронъ подъ Аблавой, что не только ничего не сталъ предпринимать, пользуясь своимъ превосходнымъ положеніемъ, но даже выслалъ къ Дризену парламентера просить перемирія до вечера для уборки своихъ раненыхъ. Дризенъ, пользуясь перемиріемъ, спокойно очистилъ путь отступленія и въ полномъ порядкѣ ночью началъ отходить, зажегши по гребнямъ позиціи огни, какъ бы бивачные костры. Въ Широко же подходили лишь нѣсколько черкесовъ; войска были на маршѣ и стали подходить къ намѣченнымъ позиціямъ. Сосредоточеніе совершилось, и разрушились преимущества Мехмета-Али. Это сосредоточеніе войскъ Рущукскаго отряда послѣ Аблавскаго боя знаменитый фельдмаршалъ Мольтке считалъ одною изъ лучшихъ стратегическихъ операцій XIX вѣка.

Къ сожалѣнію, мѣсто не даетъ намъ возможности повѣдать, какъ наслѣдникъ и ночи проводилъ за работой и, чтобы не безпокоить никого, самъ относилъ въ лагерныя палатки свои приказы тѣмъ, кому приходилось срочно исполнить ихъ.

Глубокой правдою дышитъ слѣдующее стихотвореніе В. П. Мещерскаго, посвященное Рущукскому отряду цесаревича Александра Александровича:

Тамъ, гдѣ-то, въ туманѣ, далеко
Отъ свѣта съ гремящей молвой,
Въ томъ краѣ славянскомъ востока,
Гдѣ борется солнце съ луной,
Есть рать: она русская тоже,
Въ ней тотъ же безстрашный солдатъ.
И слышно закала того же—
Въ ней штыкъ и ружье и булатъ.
Давно притаясь особливо,
Свершаетъ тамъ войско свой долгъ,
И точно смирясь, молчаливо,
Творитъ чудеса каждый полкъ.
Хоть бьютъ тамъ въ бою барабаны.
Хоть ядра и пули свистятъ,
Хоть стонетъ солдатъ тамъ отъ раны,
И громко *ура* тамъ кричатъ,
Но только тщеславья пустого
И грома похвалъ не слыхать,
И будто молчанья святого
Обѣты несетъ эта рать.
И что же? Сквозь это молчанье,
Сквозь всю необъятную даль,
Русь чуетъ той рати дыханье
И радость ея и печаль
И нѣжно, какъ мать надъ дитятей,
Слѣдитъ такъ любовно за ней,
Какъ будто, средь всѣхъ своихъ ратей,
Та рать ея сердцу милѣй.
Да, въ войскѣ томъ царскія дѣти,
Тамъ первенецъ царскій вождемъ,
И тихо, въ невидимомъ свѣтѣ,
Духъ Божій почіетъ на немъ.
И тихо, склонясь молчаливо,
Какъ эта смиренная рать,
Съ любовью святою ревниво
Слѣдитъ за ней родина-мать.

Прилежно занятый практическимъ, жизненнымъ приготовленіемъ къ предлежавшему тяжкому царскому служенію, наслѣдникъ-цесаревичъ старался выяснить себѣ задачи и духъ его посредствомъ обширнаго изученія Русской исторіи. Можно положительно сказать, что никто изъ его царственныхъ предшественниковъ не занимался столько

этимъ важнымъ предметомъ, какъ онъ: въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ и Петра I и Екатерину II, съ большимъ интересомъ знакомившихся съ Отечественной исторіей. Онъ съ большой охотой вступалъ въ составъ нашихъ историческихъ и археологическихъ обществъ, ревностно слѣдилъ за ихъ работами и энергически помогалъ развитію ихъ дѣятельности. Съ 1867 г. онъ сталъ предсѣдателемъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, доставлялъ ему доступъ во всѣ важнѣйшіе архивы, не только русскіе, но и иностранные, и не только предсѣдательствовалъ въ его собраніяхъ, но и по собственной инидіативѣ направлялъ его дѣятельность. Такъ, по его мысли это общество издавало переписку Екатерины II и другіе документы этого царствованія и предприняло изданіе „Біографическаго Словаря русскихъ историческихъ дѣятелей". Будучи почетнымъ членомъ Московскаго археологическаго общества, онъ давалъ ему средства на производство раскопокъ, на съѣзды и на изданія его трудовъ. Ему Москва и Россія обязаны созданіемъ Историческаго музея, почетнымъ предсѣдателемъ коего онъ былъ до самой своей кончины. Многіе памятники русской старины своей реставраціей обязаны были Александру Александровичу, и онъ послѣ себя оставилъ многоцѣнныя иконографическія и нумизматическія коллекціи... Очевидно, что изъ своихъ историческихъ занятій онъ черпалъ тѣ идеи, которыми онъ руководился въ дѣлахъ своего правленія.

Столь сосредоточенно подготовляясь къ предстоящему подвигу царствованія, онъ не думалъ, однако, что это бремя такъ скоро обрушится на его плечи, и, какъ громомъ, пораженъ былъ цареубійствомъ 1 марта 1881 года.

Наиболѣе близкій къ нему дѣятель его царствованія, Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, такъ говорилъ объ этомъ: „Страшно было вступленіе его на царство. Онъ возсѣлъ на Престолъ отцовъ своихъ, орошенный слезами, поникнувъ головою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы"...

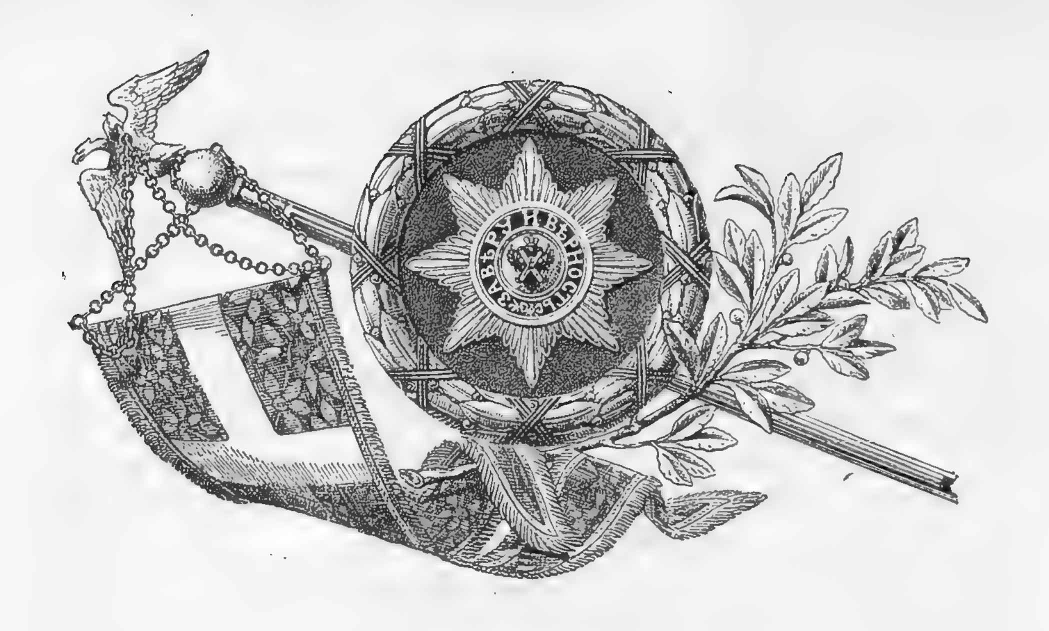
Но въ Александрѣ III, при его сдержанности и осторожности, жилъ здравый и проницательный Русскій умъ и царила мощная, несокрушимая воля. Предъ свѣтомъ этого Русскаго ума разсѣялись застлавшіе все и всѣхъ кровавые туманы предшествующаго царствованія; предъ этой волей сокрушились всѣ препятствія къ осуществленію русской исторической идеи, которыя пододвинули къ самому престолу совѣтники его отца.

Принимая 2 марта послѣ присяги генералитетъ, свиту, Государственный Совѣтъ и Сенатъ, Александръ III сказалъ: „Я прини-

маю вѣнецъ съ рѣшимостью. *Буду пытаться* слѣдовать отцу моему и закончить дѣло, начатое имъ. Если бы Всевышній и мнѣ судилъ ту же участь, какъ ему, то надѣюсь вы будете Моему Сыну такъ же вѣрны, какъ моему отцу“. Еще до погребенія императора Александра II вступившій на престолъ государь созывалъ на совѣщанія ближайшихъ совѣтниковъ своего родителя.

Большая государственная печать императора Александра III.

II.

Царствованіе императора Александра III и его отношеніе къ предшествующему.— Манифестъ 29 апрѣля 1881 года и проведеніе его началъ во всѣхъ дѣлахъ правленія. — Прекращеніе крамолы и сохраненіе преобразованій императора Александра II. — Главнѣйшія явленія нашей государственной жизни при новомъ государѣ.

Въ 1881 году, 1 марта, палъ въ своей столицѣ, среди своего преданнаго народа, отъ руки революціонеровъ, одинъ изъ великихъ благодѣтелей своихъ подданныхъ, освободившій отъ крѣпостной зависимости, съ надѣленіемъ землею, 20 милліоновъ крестьянъ—императоръ Александръ II. Его сынъ Александръ III принялъ въ свои руки Русскую землю обрызганною царственною кровью, въ великой смутѣ. Къ тому же государство наше было ослаблено недавнею войною съ Турціей за освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова и въ своемъ національномъ чувствѣ было принижено дурнымъ Берлинскимъ миромъ, который навязанъ былъ намъ враждебными намъ въ ту пору англичанами, во главѣ коихъ стоялъ лордъ Беконсфильдъ, австрійцами, съ Андраши во главѣ, и пруссаками, коими верховодилъ князь Бисмаркъ; этотъ миръ лишилъ насъ плодовъ нашихъ побѣдъ и поставилъ насъ посредствомъ тройственнаго союза въ тяжкую зависимость отъ Берлина, откуда нечего было ждать намъ поддержки и откуда намъ грозилъ военный разгромъ, подобный тому, какой въ 1870 году испытала Франція.

Но этотъ тогдашній упадокъ нашего государства былъ только однимъ изъ преемственныхъ трагическихъ актовъ въ нашихъ отно-

шеніяхъ къ Западной Европѣ и двухвѣковой борьбѣ въ Россіи началъ чужеземнаго,—западнаго, и родного,—русскаго.

Александръ II старался примирить ихъ въ своихъ обширныхъ преобразованіяхъ и въ своей иностранной политикѣ, но не опредѣлилъ твердо и ясно предѣлы тому и другому и въ своихъ гуманнѣйшихъ стремленіяхъ — дать всѣмъ просторъ и свободу — ослабилъ свою власть, среди сверхнародныхъ, но правящихъ классовъ и предоставилъ имъ самимъ искать новыхъ путей для Россіи. Много разъ въ эту пору напрасно повторялъ М. Н. Катковъ: „колеблется власть,— и появляются призраки хаоса; появляются его призраки, значитъ, колеблется власть...“

Элементы, оторванные со времени Петра Великаго отъ народной исторической почвы и зараженные чужедумствомъ, продолжали искать основъ жизни для Россіи и Русскаго народа, внѣ національно-историческихъ условій нашей жизни, въ чуждыхъ намъ явленіяхъ, учрежденіяхъ и теоріяхъ Запада, не различая, что тамъ было здороваго, отъ того, что было проявленіемъ органическихъ болѣзней. Наиболѣе рьяные и преступные стали искать спасенія для

Гатчинскій дворецъ.

Россіи въ западномъ революціонерствѣ, съ его демократическими и соціалистическими тенденціями и теоріями, ниспровергающими и тамъ историческіе устои государственной и общественной жизни, и думали учредить въ Россіи республику Восточно-Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ; другіе, болѣе умѣренные, но не менѣе чуждумные, хотѣли облагодѣтельствовать Россію перенесеніемъ въ нее западнаго конституціонализма и парламентаризма, являвшихся сдѣлками между монархіей и демократіей, и замѣнить чистую монархію полумонархіей, полуреспубликой. Императоръ Александръ II истощалъ себя въ обширныхъ реформахъ, одна другой либеральнѣе, но, конечно, не могъ въ нихъ опередить утопистовъ; а они, проникая въ школы, захватывая печать, безпрепятственно распространяясь вездѣ и даже идя въ народъ, всюду выставляли царя-преобразователя мрачнымъ реакціонеромъ, деспотомъ, помѣхой прогрессу Россіи. Правительство запугивали лживыми криками, будто оно впадаетъ „въ мрачную реакцію"...

Разрушительныя для нашего національно-историческаго государственнаго строя тенденціи проводились и чрезъ правящій классъ, чрезъ сложившуюся по западнымъ образцамъ бюрократію, и отравили своимъ ядомъ всѣ благожелательнѣйшія реформы Царя-Освободителя.

И насаждаемое преобразователемъ самоуправленіе: земское, городское, университетское и другія, добиваясь неограниченнаго для себя простора, вырождались во враждебное монархіи самоуправство. Опасаясь подавить чьи-либо права, мнительная въ ту пору государственная власть все болѣе и болѣе стушевывалась, все болѣе поступалась своими правами въ пользу разныхъ самоуправленій, соорганизовавшихся какъ бы въ видѣ особыхъ государствъ въ государствѣ, изъ которыхъ каждое стремилось къ своимъ, чуждымъ обще-

государственному строю цѣлямъ, требуя отъ государственной власти всего, но отнюдь не допуская ея вмѣшательства въ свое, хотя и государственное, но отмежеванное отъ государственной власти дѣло. Въ результатѣ, вмѣсто спасительнаго единовластія, оказалось въ странѣ пагубное многовластіе: земство — само по себѣ, суды — сами по себѣ, школы, больницы, желѣзныя дороги, банки и т. д.; все и всѣ сами по себѣ, какъ независимыя державы, считали себя въ правѣ распоряжаться, по своимъ частямъ, по-своему, не допуская даже надзора у себя государственной власти; а эта послѣдняя являлась связанною по рукамъ и по ногамъ въ своихъ стремленіяхъ оградить народъ отъ обидъ и тяжкихъ ущербовъ, какими ополчилось на него это разношерстное многовластіе и многодержавіе („Памяти императора Александра III". Москва, 1894 г.).

Стушевавшаяся вслѣдствіе чуждыхъ намъ доктринъ предъ всевозможными автономными самодержавіями, наша государственная власть не могла давать надлежащаго отпора и внѣшнимъ на страну посягательствамъ. Поклоненіе англійской идеѣ фритредерства (свободы торговой иностранной конкуренціи) требовало подчиненія русскихъ интересовъ финансовыхъ и экономическихъ интересамъ европейской промышленности и европейскихъ биржъ. Мы бѣднѣли, наши бюджеты постоянно давали дефициты. Преклоненіе предъ западною образованностью требовало поклоненія представителямъ ея на русской почвѣ — всѣмъ иностранцамъ и инородцамъ, въ просвѣщенное, не русское вѣдѣніе коихъ и предоставлялось благоустроеніе захваченныхъ ими русскихъ областей и окраинъ. Въ результатѣ, при внутреннихъ нестроеніяхъ и всеобщей разладицѣ, Россія, и въ экономическомъ, и въ финансовомъ и въ иныхъ отношеніяхъ, отдана была на нещадную эксплуатацію всяческихъ иностранцевъ и иноплеменниковъ, съ коими дѣйствовали заодно свои космополитическіе проходимцы. Все у насъ пошло врозь: и въ порядкахъ управленія и даже въ территоріальномъ отношеніи; чуть не каждая область и окрайна стали стремиться къ обособленію, угрожая единству русскаго государственнаго цѣлаго. Велико-русскій центръ нашей земли худалъ въ пользу процвѣтавшихъ за его счетъ окраинъ, молодежь не училась, занимаясь политиканствомъ, принимая участіе во всевозможныхъ демонстраціяхъ и волненіяхъ; Польша подняла открытый бунтъ, другія окраины постоянно волновались; русскій духъ приходилъ въ уныніе, государственная власть никла въ своемъ значеніи, и пропорціонально этому поднимала голову безпочвенная, въ существѣ дѣла, призрачная крамола, терроризуя малодушныхъ эффек-

тами своихъ покушеній, пока, наконецъ, не встрѣчая должнаго противодѣйствія, не устроила катастрофы 1 марта...

Куда пойдетъ и что будетъ дѣлать новый монархъ?

Окружившіе въ послѣдніе годы императора Александра II царскій престолъ сановники, съ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ, уже склонившіе покойнаго государя вступить на конституціонный путь, совѣтовали и его преемнику двинуться этимъ же путемъ, доказывая, что въ немъ будто единственный спасительный выходъ для якобы уже совсѣмъ погибавшей Россіи.

Неторопливый, сдержанный, но непоколебимо твердый новый государь немалое время выслушивалъ эти совѣты окружающихъ, но ясно и безповоротно намѣтилъ совсѣмъ другой путь, куда именно, въ какую сторону итти Россіи и ея царственному вождю. Это было результатомъ его практической и теоретической подготовки къ царствованію, о чемъ было говорено выше.

Статсъ-секретарь
К. П. Побѣдоносцевъ.

Близкій къ государю К. П. Побѣдоносцевъ въ краткихъ письмахъ своихъ, недавно напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ", даетъ бѣглый очеркъ совѣщаній, на которыя государь созывалъ ближайшихъ къ престолу сановниковъ. Изъ этихъ писемъ видно, что „у Лорисъ-Меликова были замыслы облагодѣтельствовать Россію конституціей или началомъ ея посредствомъ вызова депутатовъ со всей Россіи". По этому поводу происходили совѣщанія у императора Александра II еще въ февралѣ мѣсяцѣ. Все, казалось, уже было подготовлено. „2 марта было назначено быть у государя совѣту министровъ для окончательнаго рѣшенія, а между тѣмъ Лорисъ-Меликовъ уже заготовилъ торжественную публикацію объ этомъ, которая должна была появиться въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 5 числа. И вдругъ катастрофа... Журналы со 2 марта начали по поводу цареубійства требовать конституціи. Лорисъ-Меликовъ послалъ просить ихъ, чтобъ помолчали только 15 дней. И вотъ насъ

собрали въ совѣтъ министровъ къ государю, въ воскресенье, въ 2 часа пополудни. Пригласили меня, старика, (С. Г.) Строганова, великихъ князей. Государь, объявивъ, въ чемъ дѣло, прибавилъ, что оно не рѣшено еще покойнымъ, что оно сомнительно и что просить всѣхъ говорить не стѣсняясь. Лорисъ - Меликовъ сталъ читать протоколъ и проектъ объявленія, заготовленный уже отъ имени новаго государя, который считаетъ якобы священнымъ долгомъ исполнить завѣтъ отца своего. И представьте, что они имѣли безстыдство въ этомъ объявленіи *теперь* оставить всѣ тѣ же мотивы, которые были помѣщены въ прежнемъ: что повсюду водворено-де спокойствіе, *крамола подавлена*, ссыльные возвращены и проч. Нѣтъ времени описывать все подробно. Первый высказался противъ Строгановъ кратко, но энергически. Затѣмъ Валуевъ, Абаза, Милютинъ сказали напыщенныя отвратительныя рѣчи о томъ, что вся Россія ждетъ этого благодѣянія. Милютинъ при этомъ обмолвился о народѣ, какъ *о неразумной массѣ*. Валуевъ вмѣсто слова народъ употребилъ „народы". Говорили дальше Набоковъ, Сабуровъ и проч. Только Посьетъ и Маковъ высказались противъ. Но, когда обратились ко мнѣ, я не могъ уже сдержать волненія и негодованія. Объяснивъ всю фальшь учрежденія (онъ называлъ конституцію на самомъ Западѣ орудіемъ неправды, источникомъ всякихъ партійныхъ интригъ, парламенты — говорильнями, а парламентаризмъ — великимъ обманомъ и т. д.), я сказалъ, что стыдъ и позоръ покрываютъ лицо, когда подумаешь,

Статсъ-секретарь И. Н. Дурново [1]).

[1]) Предсѣдатель комитета министровъ, а прежде—министръ внутреннихъ дѣлъ, по смерти графа Д. А. Толстого.

въ какія минуты мы объ этомъ разсуждаемъ, когда лежитъ еще непогребенный трупъ нашего государя. А кто виновенъ въ томъ? Кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Мы всѣ повинны въ его смерти. Что мы дѣлали все это время и въ его царствованіе? Мы говорили, говорили, слушали себя и другъ друга, и всякое изъ его учрежденій превратилось у насъ подъ руками въ ложь, и дарованная имъ свобода стала ложью. А въ послѣдніе годы, въ годы взрывовъ и минъ, что мы дѣлали, чтобы охранить его? Мы говорили—и только. Все чувство у насъ должно было сосредоточиться въ страхѣ, какъ бы не убили его, а мы напустили себѣ въ душу столько подлыхъ, низкихъ страховъ и стали трепетать общественнаго мнѣнія, т.-е. мнѣнія презрительныхъ журналистовъ и того, что скажетъ Европа? А ее-то знали лишь по журналамъ.

„Вы можете себѣ представить, какимъ громомъ упали слова мои. Сосѣди мои — Абаза и Лорисъ-Меликовъ — едва сдерживали свою ярость на меня. Абаза отвѣтилъ очень рѣзко: „изъ того-де, что сказалъ оберъ-прокуроръ Синода, слѣдуетъ, что все, что сдѣлано въ минувшее царствованіе, никуда не годится и освобожденіе крестьянъ и проч., и намъ послѣ этого остается только просить объ увольненіи“.

„Государь, который на словахъ моихъ: „кровь его на насъ“, прервалъ меня восклицаніемъ: „Это—правда“, поддержалъ меня, сказавши, что подлинно всѣ виноваты и что изъ этихъ всѣхъ онъ не исключаетъ и себя. Говорили и еще... Слышалось жалкое слово, что надобно же что-нибудь сдѣлать, а это *что-нибудь* значило учрежденіе (*конституція*).

„Государь рѣшилъ, что дѣло это слишкомъ сложное, чтобъ рѣшить его теперь: надобно еще разсмотрѣть подробно въ особой комиссіи, а потомъ въ комитетѣ министровъ, но только съ тѣмъ, чтобы учрежденіе не имѣло политическаго характера.

„Въ то же утро, послѣ засѣданія, онъ принималъ (Н. М.) Баранова и назначилъ его петербургскимъ градоначальникомъ... Онъ теперь кипитъ день и ночь въ работѣ. Лорисъ-Меликовъ въ ярости.

„На 15 марта, когда было назначено погребеніе императора Александра II, готовилось покушеніе на новаго государя и на прибывшаго на похороны наслѣднаго принца прусскаго: въ одномъ мѣстѣ, на Невскомъ проспектѣ, должны были собраться люди, переодѣтые извозчиками, чтобы открыть перекрестные выстрѣлы. Но Н. М. Барановъ изъ 48 заговорщиковъ успѣлъ захватить 19, и покушеніе не состоялось. Послѣ новаго совѣщанія 21 марта насъ позвали въ Гатчину, гдѣ

Царская семья въ Гатчинѣ.

сторонники конституціи продолжали свои прежнія рѣчи и распространили по Петербургу слухи, будто государь склонился на ихъ сторону“...

Неожиданно для большинства лицъ, окружавшихъ престолъ, а также для всей мятущейся интеллигенціи, раздалось царское рѣшающее слово въ манифестѣ 29 апрѣля 1881 года. „Гласъ Божій, — говорилъ въ этомъ достопамятномъ историческомъ актѣ императоръ Александръ III,— повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній...

„Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной царской власти. Подъ сѣнію ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу, посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбы ея. Посвящая себя великому нашему служенію, мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ служить намъ и государству вѣрой и правдой къ искорененію крамолы, позорящей Русскую Землю, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея,—возлюбленнымъ нашимъ родителемъ“.

Въ этихъ словахъ былъ ключъ къ рѣшенію того именно вопроса, что прежде всего и больше всего необходимо для спасенія Россіи отъ разъѣдавшей ее смуты, для возрожденія ея величія и мощи, для удовлетворенія чаяній и желаній стомилліоннаго русскаго народа; но слова эти не остались только словами, а стали дѣломъ — постояннымъ, неизмѣнно послѣдовательнымъ. И вотъ тьма смуты, прорѣзанная яркимъ, какъ молнія, свѣтомъ царскаго слова, стала быстро разсѣваться. Крамола, казавшаяся неодолимой, таяла, какъ воскъ передъ лицомъ огня, исчезала, какъ дымъ подъ крылами вѣтра. Смута въ умахъ стала быстро смѣняться русскимъ здравомысліемъ; распущенность и своеволіе уступили мѣсто порядку и дисциплинѣ. Вольномысліе уже не попирало православія, какъ нѣкое ультрамонтаитство, и нашу родную церковь, какъ клерикализмъ. Авторитетъ безспорной и наслѣдственной національной Верховной власти сталъ опять на свою историческую традиціонную высоту.

Не было области управленія, которой не коснулось бы оздоравливающее и всюду вносящее благоустроеніе, единое направленіе, даваемое самимъ государемъ. На мѣсто былого разновольнаго и своевольнаго многодержавія всюду стала во весь ростъ единая правительственная власть, вдохновляемая единою самодержавною Высочайшею волею. При сохраненіи всѣхъ добрыхъ, полезныхъ сторонъ самоуправленія, не стало болѣе судебныхъ, земскихъ, университетскихъ, банковскихъ, биржевыхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ самодержавій. Окраины и инородцы тоже присмирѣли и притихли. Всюду почувствовалось главенство монарха и русской народности.

Бывшее наканунѣ разложенія, готовое разсыпаться въ прахъ государственное тѣло вновь стало, говорили „Московскія Вѣдомости“, органическимъ, въ немъ закипѣла здоровая жизнь.

Чѣмъ же достигъ этого государь? Сложными и *хитроумными планами? Аппаратомъ трудныхъ многосоставныхъ реформъ? Кровопролитною борьбою?* — Нѣтъ и нѣтъ.

Къ рѣшенію поставленной себѣ задачи Александръ III приложилъ не утонченныя ухищренія своихъ современниковъ Бисмарка и Гладстона, даже не страстную кипучую дѣятельность Петра I. Нѣтъ, только здравымъ русскимъ разумомъ опозналъ онъ дутую сущность смуты; русскимъ чутьемъ своимъ угадалъ потребности своего добраго русскаго народа; вѣрующей душой своею предался волѣ и помощи Божіей; съ крѣпкою вѣрою и преданностью поднялъ свой царскій подвигъ на благо народа, съ несомнительною убѣжденностью въ святости своей самодержавной наслѣдственной власти сталъ твердо, неуклонно, неусыпно исполнять свое служеніе отечеству. Крѣпко пріобщился онъ Русской исторической идеѣ, глубоко проникся ею. „Россія для русскихъ и по-русски“—вотъ его простой девизъ, дававшій ему силу богатыря великаго; началось бодрое и спокойное правленіе; настало удивительное единеніе царя и народа, несмотря на то, что и при немъ была бюрократія — и не было представителей народа. Невольно вспоминаются прекрасныя слова А. Н. Майкова:

Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей,
Что — царь — онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля,
Ихъ громко высказалъ — и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударитъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ, въ Христово Воскресенье,
О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,—

И какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ,
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,—
Воскресла духомъ Русь — сомнѣній мракъ исчезъ—
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено сознаньемъ.

Не производя ломки въ учрежденіяхъ своего отца, почти не создавая новыхъ, истинно русскій царь въ теченіе двухъ семилѣтій своего царствованія поднялъ Россію на необычайную высоту бережливостью въ государственныхъ расходахъ и подъемомъ производительныхъ силъ народа. Финансовые дефициты и иностранные, все дорожавшіе займы, выдаваемые за необходимую принадлежность русскаго государственнаго строя, исчезли, и мы увидали изъ года въ годъ превышеніе государственныхъ доходовъ надъ расходами. Ссудосберегательныя кассы, едва собиравшія 10 милл., въ концѣ царствованія собрали уже 330 милліоновъ народныхъ сбереженій. Трудъ народный, при покровительствѣ всему своему, всему русскому, зашумѣлъ производительностью. Особо сильную поддержку отъ царя получилъ материкъ нашей земли—крестьянство. Съ него снята была подушная подать, уменьшены выкупные платежи и сильно увеличена площадь крестьянскаго землевладѣнія, при помощи крестьянскаго земельнаго банка, продававшаго нашимъ пахарямъ на льготныхъ условіяхъ милліоны десятинъ; установлена была неотчуждаемость въ иныя руки крестьянскихъ надѣловъ; организовано было переселеніе для крестьянъ на Амуръ, въ Среднюю Азію и Сибирь. Учреждена была близкая къ крестьянству власть, въ видѣ земскихъ начальниковъ. Устроено было для подъема земледѣлія, которое Александръ III считалъ важнѣйшимъ народнымъ промысломъ, особое Министерство Земледѣлія, соединенное съ завѣдываніемъ государственными имуществами. И когда значительная часть имперіи была поражена сильнымъ неурожаемъ, царь-батюшка, царь-кормилецъ ассигновалъ 100 милліоновъ на продовольствіе голодающихъ и на обсѣмененіе полей. Для поддержки помѣщичьяго хозяйства былъ основанъ дворянскій земельный банкъ; учреждена была податная инспекція.

Промышленность, фабрики и заводы также находили себѣ покровительство у государя.

Для ослабленія подавляющаго соперничества съ нашей молодой промышленностью иностранцевъ, государь приказалъ повысить пошлины на иностранныя издѣлія, именно на тѣ, которыя могли быть замѣнены русскими. Особенно поощрялись каменноугольное, желѣзодѣлательное и ткацкое производства. По повелѣнію императора Але-

Императоръ Александръ III среди волостныхъ старшинъ въ 1883 году въ Москвѣ.

Съ карт. *Рѣпина.*

ксандра III, пушки, ружья, огнестрѣльные снаряды, принадлежности для броненосцевъ и другихъ судовъ, паровозы, вагоны, рельсы и т. п. заказывались на русскихъ заводахъ, вслѣдствіе чего прежніе огромные платежи переходили отъ иностранцевъ въ русскія руки. Этими и подобными мѣрами государь быстро поднялъ русскую промышленность и торговлю: у насъ возникло много новыхъ фабрикъ и заводовъ; иностранный ввозъ товаровъ сократился, а вывозъ русскихъ продуктовъ значительно увеличился.

Всѣ эти финансово-экономическіе результаты были достигнуты, несмотря на голодъ, холеру и экономическую борьбу съ Германіей.

Но забота царская шла не въ одну сторону хозяевъ-предпринимателей, она обнимала и рабочихъ. Трудъ дѣтей и женщинъ на фабрикахъ и заводахъ былъ ограниченъ, положено было начало фабричному законодательству, которое скоро опередило французское и англійское...

Если въ предшествующее царствованіе преобладало начало всесословности, которую, впрочемъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ безсословностью, то при Александрѣ III выдвигался принципъ сословности. Особенное вниманіе государь обратилъ на благоустройство дворянства и крестьянства.

Огромную важность имѣютъ постройка въ это царствованіе средне-азіатской желѣзной дороги и начало постройки великаго желѣзнодорожнаго пути чрезъ Сибирь, соединившаго наши владѣнія на Великомъ океанѣ съ крайними западными границами Россіи. Государь поручилъ дѣло закладки этого великаго пути и самое его устройство своему Первенцу Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Когда, по окончаніи своего образованія, Его Высочество, посѣтивъ Италію, Грецію, Египетъ, Индію, Японію и Китай, вступилъ на омываемый Великимъ океаномъ берегъ Россійской имперіи, Онъ получилъ отъ государя-отца Высочайшій рескриптъ, коимъ „на Него возложено было — совершить во Владивостокѣ закладку Уссурійскаго участка великаго Сибирскаго рельсоваго пути, который подниметъ разработку богатствъ золотого дна Россіи и возвыситъ еще болѣе могущество и славу отечества". 19 мая 1891 года Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Своею рукою положилъ первое основаніе этому, по выраженію его царственнаго родителя, „дѣлу мира и просвѣтительной задачи Россіи на Дальнемъ Востокѣ". Въ честь почившаго царственнаго инициатора этого пути въ Петербургѣ при въѣздѣ изъ Москвы въ сѣверную столицу воздвигнутъ памятникъ.

Закладка Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ Сибирской желѣзной дороги.

Владивостокъ.

Скрѣпленіе и объединеніе окраинъ съ ихъ государственнымъ центромъ составляли одну изъ важнѣйшихъ задачъ этого царствованія. Въ Привислинскомъ краѣ, куда генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Гурко, при его твердомъ управленіи, въ духѣ русскаго государственнаго единства, особыхъ чрезвычайныхъ мѣропріятій не было: онѣ оказались ненужными.

Въ нѣмецкихъ элементахъ Прибалтійскаго края, вмѣстѣ съ охлажденіемъ нашихъ отношеній къ Германіи, чувствовалось нѣкоторое броженіе. Въ виду того въ этомъ краѣ начаты были воздѣйствія для увеличенія державнаго значенія нашихъ государственно-народныхъ началъ. Послѣ сенаторской ревизіи, въ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерніяхъ послѣдовали нѣкоторыя нововведенія русскаго характера. Полицейскія учрежденія были изъяты изъ рукъ нѣмецкаго дворянства, а администрація въ этихъ губерніяхъ передана была людямъ русскаго происхожденія. Введенъ русскій государственный языкъ въ дѣлопроизводство правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Точно такъ же нѣмецкій языкъ и въ школахъ долженъ былъ уступить свое мѣсто русскому. Снята была съ православныхъ обязанность платить повинности лютеранскимъ киркамъ и пасторамъ; былъ возстановленъ законъ, по которому дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны воспитываться въ православной вѣрѣ. Преобразованъ былъ Дерптскій университетъ изъ нѣмецкаго въ русскій, и этому городу возвращено было русское имя „Юрьевъ“, данное ему его основателемъ Ярославомъ Мудрымъ. По волѣ государя Динаминдъ былъ переименованъ въ Усть-Двинскъ, а Динабургъ—въ Двинскъ. Наконецъ были введены въ Прибалтійскомъ краѣ русскіе судебные уставы съ русскимъ судопроизводствомъ.

Когда финляндцы было стали, какъ и въ предшествующее царствованіе, задѣвать русское державное достоинство и національное чувство, государь, въ рескриптѣ на имя финляндскаго генералъ-губернатора, напомнилъ этой окраинѣ, что она состоитъ „въ собственности и державномъ обладаніи Россійской имперіи“, и возвѣстилъ, что предначертываются „мѣропріятія, имѣющія цѣлью достиженіе болѣе тѣснаго единенія великаго княжества съ прочими частями Россійской державы“.

Согласно съ этимъ постепенно слѣдовали Высочайшія повелѣнія по финляндскимъ дѣламъ. Почтовыя учрежденія Финляндіи были переданы въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ дѣлъ; повелѣно было принимать въ государственныхъ и общественныхъ учрежде-

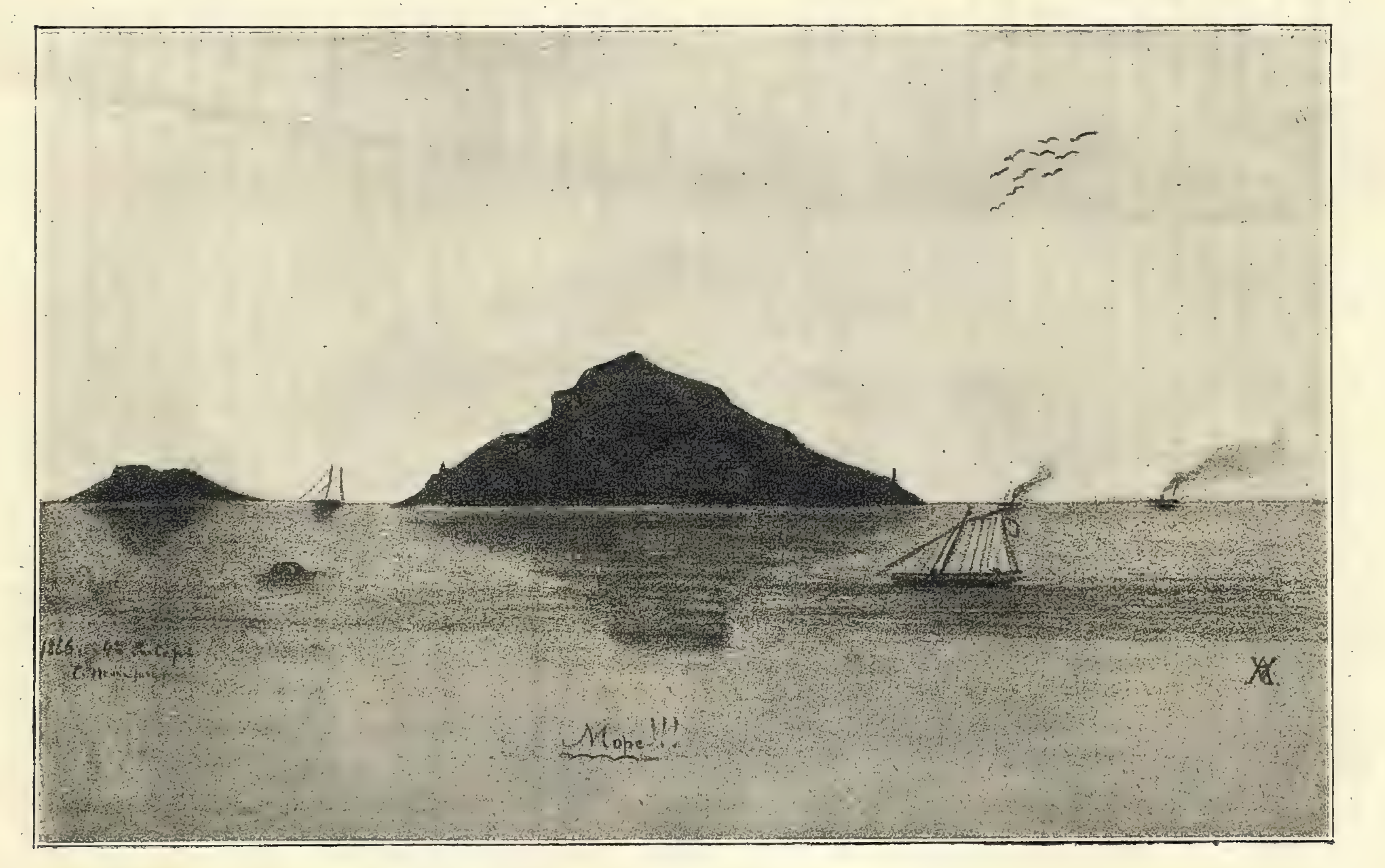
Храмъ въ Боркахъ на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда.

ніяхъ края платежи русскою монетою. Дѣла православной Церкви въ Финляндіи изъяты изъ инославныхъ ея учрежденій и переданы Св. Синоду. Запрещено было ставить въ Финляндіи памятники государственнаго и общественнаго значенія безъ Высочайшаго разрѣшенія. Преобразованъ былъ финляндскій сенатъ, при чемъ были устранены отъ дѣлъ управленія сенаторы судебнаго департамента, проникнутые стремленіями къ обособленію Финляндіи отъ Россіи. На высшія должности стали назначаться русскіе люди, впервые былъ назначенъ изъ русскихъ помощникъ генералъ-губернатора (Гончаровъ). Наконецъ, были учреждены комиссіи для разработки вопроса объ уничтоженіи таможенной границы въ Финляндіи и объ отмѣнѣ здѣсь особой отъ имперіи арміи. Эти дѣла не пришлось закончить въ это царствованіе, но рѣшеніе финляндскаго вопроса было намѣчено твердо и опредѣленно.

Много стараній государь положилъ на просвѣщеніе народа. Въ его царствованіе возникло 45 тысячъ народныхъ школъ, съ 2 милліонами учащихся; самому обученію былъ приданъ характеръ истинно-русскій: ибо эти школы были церковно-приходскія, кои находятся въ вѣдѣніи православной Церкви...

Для развитія народной промышленности создано было множество профессіональныхъ и техническихъ школъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ.

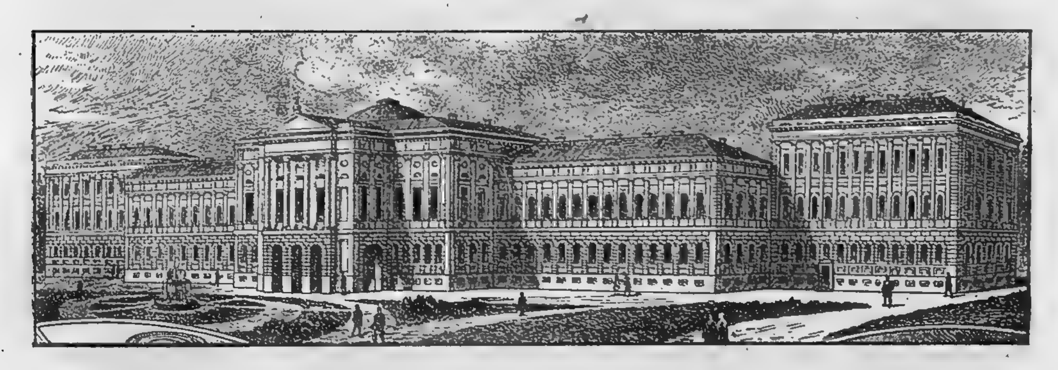
Государь поощрялъ и русское національное искусство во всѣхъ его отрасляхъ. Такъ, въ живописи онъ выдвинулъ В. М. Васнецова, Рѣпина, Полѣнова, Боголюбова, Маковскаго, а въ скульптурѣ поощрялъ Опекушина, Микѣшина и Антокольскаго (Ермакъ, Несторъ, Ярославъ) и самъ, какъ увидите, на воспроизводимомъ рисункѣ пробовалъ свою кисть. Поощряя русскую живопись, онъ покупалъ очень много ея новыхъ произведеній, которыя теперь наполняютъ огромный Русскій музей Александра III въ Петербургѣ. Любя музыку и самъ будучи музыкантомъ, онъ давалъ ходъ въ Россіи русской оперѣ, которую прежде заѣдала итальянская, и петербургской консерваторіи подарилъ Большой театръ, а Московской — далъ весьма значительныя средства на постройку новаго зданія. Чайковскій былъ похороненъ на счетъ самого государя. Руководителемъ московскихъ театровъ онъ сдѣлалъ Островскаго. Семья умершаго писателя Лажечникова получала пенсію отъ самого государя. Привлекавшіе сочувствіе государя, когда онъ былъ наслѣдникомъ, такіе представители русской національной мысли, какъ Катковъ, Аксаковъ, Майковъ и друг., получили близость къ нему. Онъ постоянно читалъ ихъ изданія...

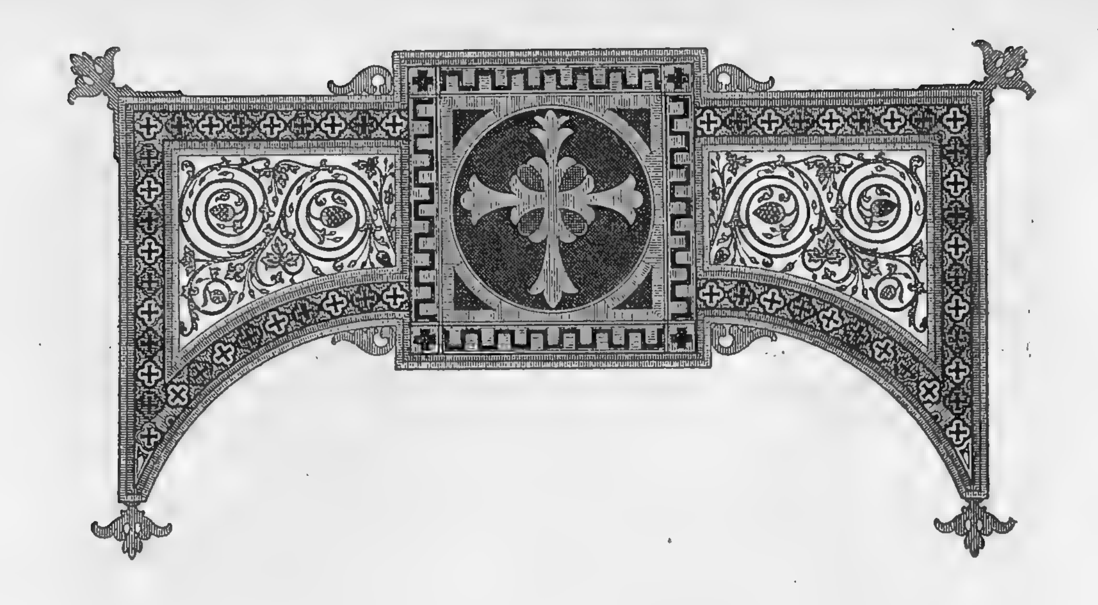
Собственноручный рисунокъ императора Александра III.

Мы уже говорили, какъ онъ, еще будучи цесаревичемъ, трудился для подъема русскаго историческаго самосознанія, и какое живое участіе принималъ въ дѣятельности разрабатывающихъ русское прошлое историческихъ и археологическихъ обществъ и въ изданіи многихъ историческихъ актовъ. Россія обязана ему также реставраціей Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ и Грановитой палаты, которая была расписана, по своимъ сводамъ и стѣнамъ, на основаніи открытой въ ту пору рукописи придворнаго живописца царя Алексѣя Михайловича Симона Ушакова; онъ же возобновилъ дворецъ Дмитрія царевича въ Угличѣ, содѣйствовалъ реставраціи Кремля и его памятниковъ въ Ростовѣ Великомъ, Софійскаго Собора въ Новгородѣ и храмовъ Владиміра Залѣсскаго и вообще оказалъ чрезвычайныя и плодотворныя услуги русской исторической наукѣ. Да будетъ ему вѣчная память въ ней!

Глубоко православный, этотъ великій царь много трудился для подъема значенія Русской православной Церкви, которую онъ почиталъ, какъ глубочайшую и главнѣйшую основу русской жизни; по его собственному выраженію, онъ чтилъ православную Церковь „свято, отъ глубины души, какъ вѣрный ея сынъ“. При немъ учреждено было 13 новыхъ архіерейскихъ каѳедръ; открыты были закрытые при его предшественникѣ церковные приходы; возстановлены были въ Западной Руси церковныя братства; построено было множество новыхъ храмовъ и проч. и проч.

Томскій Университетъ.

III.

Иностранная политика императора Александра III.—Національный ея характеръ.—Освобожденіе Россіи отъ тройственнаго союза.—Сближеніе съ Франціей.—Болгарскія дѣла.—Присоединеніе къ Россіи Мерва.—Англія и битва на Кушкѣ.—Необычайное вліяніе Александра III на общеміровую политику и значеніе его миротворчества.

Петръ Великій, заимствуя, можетъ-быть, слишкомъ много отъ Запада, однако, говорилъ: „Отечество мое — Россія — паче всего, паче живота моего". Но съ бо̀льшимъ правомъ могъ сказать это о себѣ Александръ III.

Отпустивъ длинную бороду, одѣвъ русскій кафтанъ съ широкими шароварами и русскіе сапоги, подпоясавшись русскимъ кушакомъ, государь далъ понять и другимъ народамъ, и русскимъ инородцамъ и космополитамъ, что его заботой будетъ не весь земной шаръ, даже не Европа, а Россія, паче всего, что безвозвратно покончена въ ней та политика, которая въ прежнія времена вытаскивала изъ огня каштаны для чужихъ государствъ. Русскіе реальные, жизненные интересы—вотъ начало и конецъ иностранной политики нашего государя. Хмуро, недоброжелательно Западная Европа сначала отнеслась къ русской политикѣ Александра III. Но онъ, *повелитель шестой части всего земного шара*, вождь стомилліоннаго народа, „не презиралъ земли родной, онъ зналъ ее предназначенье" и не смутился чужестраннымъ неудовольствіемъ: потому что отлично понималъ, что Россія, несправедливо униженная, работавшая на чужихъ, не можетъ же остаться въ прежнемъ положеніи, что ей подобаетъ совсѣмъ не то мѣсто, какое ей давали среди другихъ державъ.

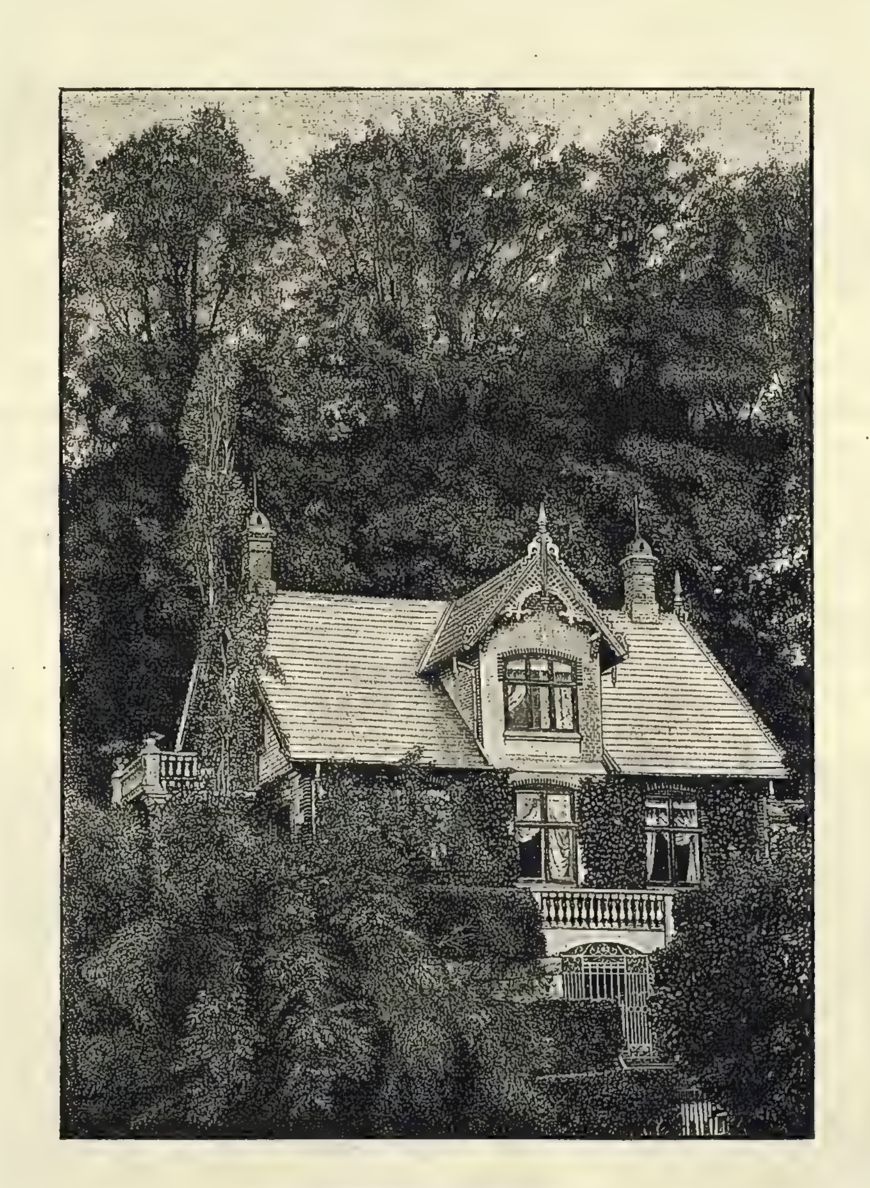
По своемъ восшествіи на престолъ онъ двинулъ войска на западныя и южныя границы и далъ приказанія, на случай надобности, приготовить все нужное для высадки на Босфорѣ и въ Малой Азіи.

Государь основу своей иностранной политики выразилъ въ рескриптѣ не дипломату, а военному министру, въ 1890 году, такъ: „Отечеству нашему, несомнѣнно, нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои я уповаю съ Божьей помощью еще надолго продлить, я полагаю, что вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями“. Онъ перевооружилъ армію, обмундировалъ ее по-русски, усилилъ старыя и создалъ новыя крѣпости (Карсъ, Двинскъ, Ивангородъ, Новогеоргіевскъ, Варшаву и друг.). Онъ также значительно усилилъ нашъ флотъ множествомъ новыхъ броненосныхъ судовъ. Содержаніе арміи и ея офицеровъ значительно было улучшено...

Тяжело было политическое наслѣдство, принятое Александромъ III, при его вступленіи на престолъ. Война съ Турціей, въ ко-

Дворецъ во Фреденсборгѣ въ Копенгагенѣ, гдѣ нерѣдко гостила царская семья.

Дача во Фреденсборгѣ.

торой достославно участвовалъ онъ самъ въ качествѣ начальника Рущукскаго отряда, привела насъ, однако, къ печальному Берлинскому миру, который былъ навязанъ намъ нашимъ двуличнымъ союзникомъ по тройственному союзу—княземъ Бисмаркомъ. Этотъ „честный маклеръ", въ интересахъ не только Австріи, но и Англіи, вынудилъ Россію къ отреченію отъ плодовъ ея побѣдъ и заставилъ отказаться отъ условій заключеннаго въ Санъ-Стефано, выгоднаго для насъ, мира съ Турціей и согласиться дать вознагражденіе Австріи и Англіи, которыя не воевали, а только интриговали противъ Россіи. Первая захватила Боснію и Герцоговину, а вторая—островъ Кипръ.

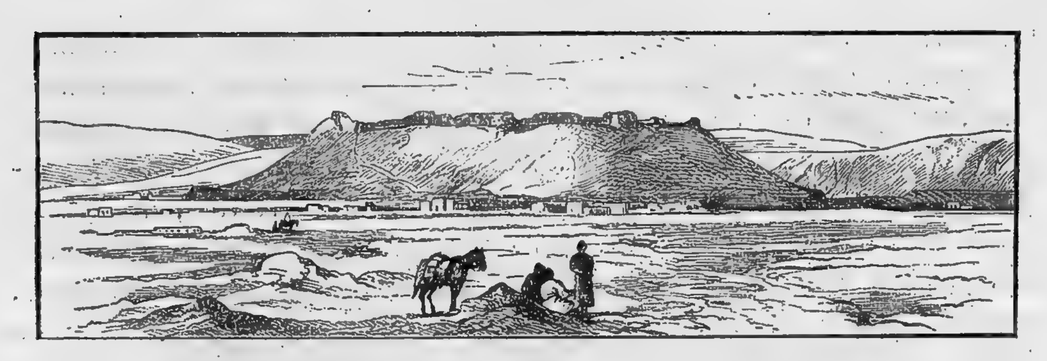
Александръ III рѣшился развязать руки Россіи отъ такого тройственнаго союза, который только ронялъ наше значеніе на всемъ славянскомъ и азіатскомъ востокѣ и поддерживалъ гегемонію въ Европѣ Германіи, раздавившей въ 1870 году Францію, лишь благодаря дружественному нейтралитету Россіи.

Не въ характерѣ Александра III было дѣйствовать поспѣшно, да и тройственному союзу еще не истекъ срокъ. Но столько извлекшему изъ поддержки Россіи такъ называемому „желѣзному канцлеру" Германіи пришлось долго и безплодно хлопотать, не возобновитъ ли Русскій императоръ союзный договоръ. Напрасно онъ устроилъ два свиданія трехъ императоровъ, заключилъ секретный двойственный союзъ съ Австріей противъ Россіи. Александръ III молча думалъ: Россія для Россіи, а не для Пруссіи, и, терпѣливо дождавшись срока, открыто вышелъ изъ тройственнаго союза, гдѣ Россію замѣнила слабая Италія.

Этотъ важный шагъ Русскаго царя сразу измѣнилъ положеніе дѣлъ въ Европѣ, и „желѣзный канцлеръ", стоявшій на плечахъ Россіи и отъ того казавшійся высокимъ, понизился въ своемъ положеніи и сталъ обращаться постепенно изъ желѣзнаго въ мѣднаго, а потомъ въ бронзоваго, пока не сталъ только сердитымъ.

Но совершавшееся освобожденіе Россіи отъ несроднаго ей союза требовало отъ нашего государя сугубой бдительности и прозорливой осторожности, такъ какъ намъ, нуждавшимся въ мирѣ, стали подстраивать войну изъ-за освобожденныхъ болгаръ и изъ-за нашихъ успѣховъ въ Средней Азіи.

Ставленникъ нашъ въ освобожденной русскою кровью Болгаріи—принцъ Баттенбергскій, безъ позволенія Русскаго царя, присоединилъ къ Болгарскому княжеству Восточную Румелію. Одобри это Россія, и намъ пришлось бы воевать съ Турціей и Австріей, а въ случаѣ вооруженнаго противодѣйствія этому перевороту слѣдовало

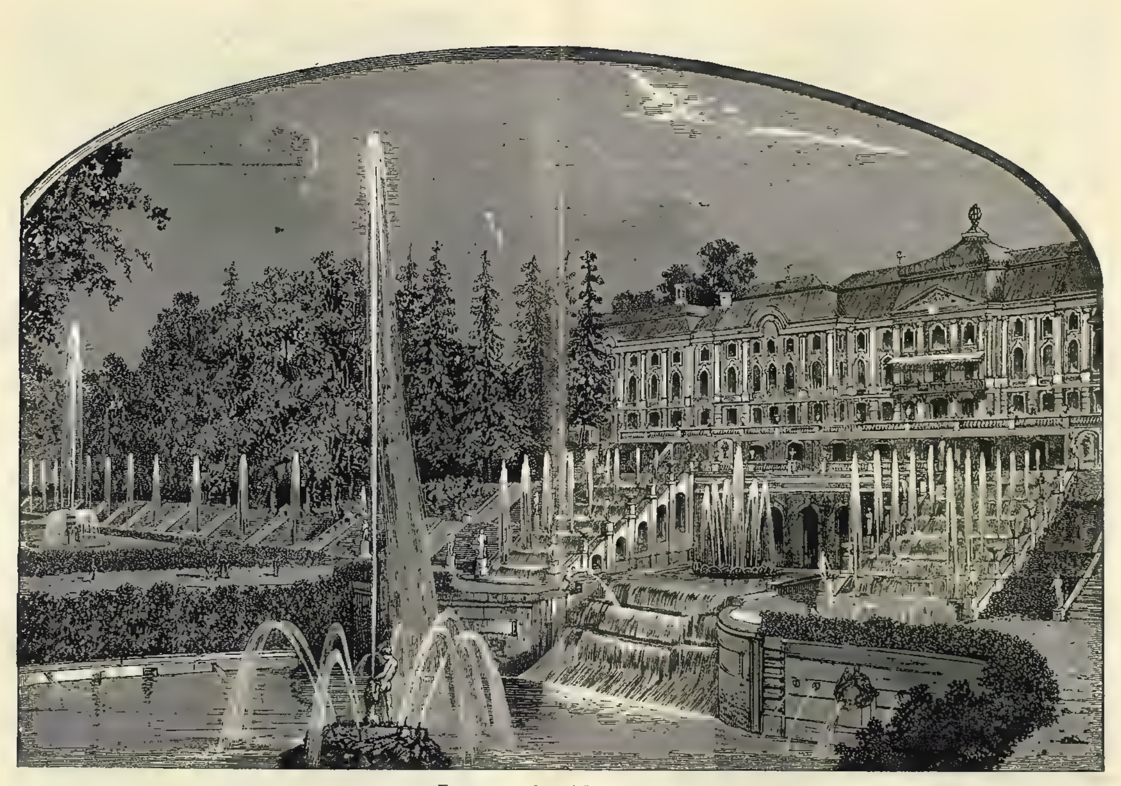
Кушка.

бы воевать съ болгарами и навсегда оттолкнуть отъ себя единовѣрныхъ и единокровныхъ славянъ Балканскаго полуострова. Мудрый Александръ III избѣгъ и того и другого. Онъ не утвердилъ самовольнаго переворота Баттенберга, но не сталъ воевать съ единоплеменниками, а только отозвалъ русскихъ офицеровъ и своего уполномоченнаго въ Болгаріи, и сами болгары низложили Баттенберга. Правда, тамъ водворился страшный деспотизмъ Стамбулова, ужасная борьба партій, и состоялся въ интересахъ Австріи призывъ въ князья Болгаріи принца Кобургскаго. Но государь нашъ воздержался и тогда отъ вмѣшательства въ болгарскія дѣла, предоставивъ тамошнимъ интриганамъ вариться въ собственномъ соку. Такая изумительная сдержанность и проницательность Государя снискали ему уваженіе даже среди недруговъ.

Съ другой стороны, англичане, недовольные тѣмъ, что въ Средней Азіи туркмены Мервскаго оазиса добровольно поддались Россіи, и мы стали приближаться къ границамъ Индіи, подняли противъ насъ афганскаго эмира, и вотъ въ 1885 году на берегу рѣки Кушки произошло столкновеніе афганцевъ, руководимыхъ англійскими офицерами, съ русскимъ пограничнымъ отрядомъ, стоявшимъ подъ начальствомъ генерала Комарова, а онъ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе близъ Кушки. Въ этой битвѣ отличился недавно убитый революціонерами—тогда полковникъ Алихановъ. Въ Англіи подняла крикъ печать, парламентъ ассигновалъ деньги на новыя вооруженія; пустили даже слухъ, будто англійскій флотъ вступилъ въ Балтійское море. Англичане задумали предъявить намъ воинственные запросы, а малодушные люди въ нашихъ правительственныхъ сферахъ готовы были на извиненія и даже на отставку побѣдителя. Но, понятно, чуткій къ защитѣ русскихъ интересовъ, русской чести и славы Александръ III не поколебался ни на одну минуту и далъ генералу Комарову высшую награду (золотое

Въ Средней Азіи у Мерва.

Петергофскій дворецъ.

Возвращеніе государя съ охоты.

оружіе), которая произвела отрезвляющее впечатлѣніе на англичанъ и была очень внушительна для всей Западной Европы, показывая всѣмъ, что встрѣтитъ каждый, нападающій на Россію. Царь высокочестно и грозно держалъ стягъ свой... Примѣчательна телеграмма, посланная военнымъ министромъ генералу Комарову:

Генералъ Комаровъ.

„Государь Императоръ, по прочтеніи вашихъ донесеній, изволилъ убѣдиться, что вы распоряжались правильно, разумно и энергично и что дѣйствія ваши дали благопріятное для насъ направленіе спорному вопросу. Спѣшу сообщить вамъ заслуженную и лестную оцѣнку государемъ вашихъ распоряженій. Генералъ-адъютантъ Ванновскій“.

Попытки Германіи раздражить Францію появленіемъ на ея границахъ шпіоновъ, передвиженіе туда войскъ, подъ предлогомъ маневровъ, коварно подготовляли разгромъ этой обездоленной, но дышавшей мщеніемъ націи. Но императоръ Александръ III давалъ не

двусмысленно понять, что онъ не допуститъ этого и не останется, какъ было прежде, нейтральнымъ въ пользу пруссаковъ... Замыслы Бисмарка разбивались въ прахъ, а значеніе Россіи все росло въ Европѣ, умаляя авторитетъ той державы, которая построила свое величіе не на правдѣ, а на крови и желѣзѣ да на дружбѣ Россіи, эксплуатируемой подъ видомъ союзничества. Россія была одинока, но сильна, и русскій царь далъ понять, что онъ и не нуждается въ союзникахъ, когда однажды поднялъ бокалъ за здоровье князя маленькой Черногоріи, какъ „единственнаго друга Россіи"... Тогда-то нашлись у насъ другіе друзья: началось сильное движеніе Франціи въ сторону Россіи, и стало безо всякихъ происковъ и интригъ подготовляться ихъ прочное сближеніе. Находя, однако, пользу для Россіи отъ прекращенія ея изолированности, ея одиночества, не видя также и противорѣчія въ интересахъ обѣихъ державъ, но и сдерживая французовъ отъ мстительныхъ увлеченій и преждевременнаго нарушенія мира, самъ государь пошелъ навстрѣчу дружественнымъ движеніямъ французской націи. Уже въ 1891 году императоръ дозволилъ устроить въ Москвѣ французскую выставку и почтилъ ее своимъ посѣщеніемъ, а скоро насталъ послѣдній, самый славный періодъ въ иностранной политикѣ русскаго царя,—періодъ открытаго дружескаго сближенія съ Франціей. Въ Кронштадтъ прислана была оттуда эскадра, подъ начальствомъ адмирала Жерве. Государь, стоя, съ открытой головой, выслушалъ національный гимнъ Франціи и дружески поднялъ чару за ея процвѣтаніе. Завершені-

Мостъ имени Александра III въ Парижѣ.

емъ этого сближенія были отвѣтный визитъ русской эскадры въ Тулонъ, подъ начальствомъ адмирала Авелана, и посѣщеніе Франціи нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей... Трудно описать энтузіазмъ и чувство любви къ Русскому Монарху и Россіи, которыя широко и глубоко охватили въ ту пору весь французскій народъ, безъ всякаго различія въ немъ республиканцевъ и монархистовъ, соціалистовъ и индивидуалистовъ, католиковъ и вольныхъ мыслителей.

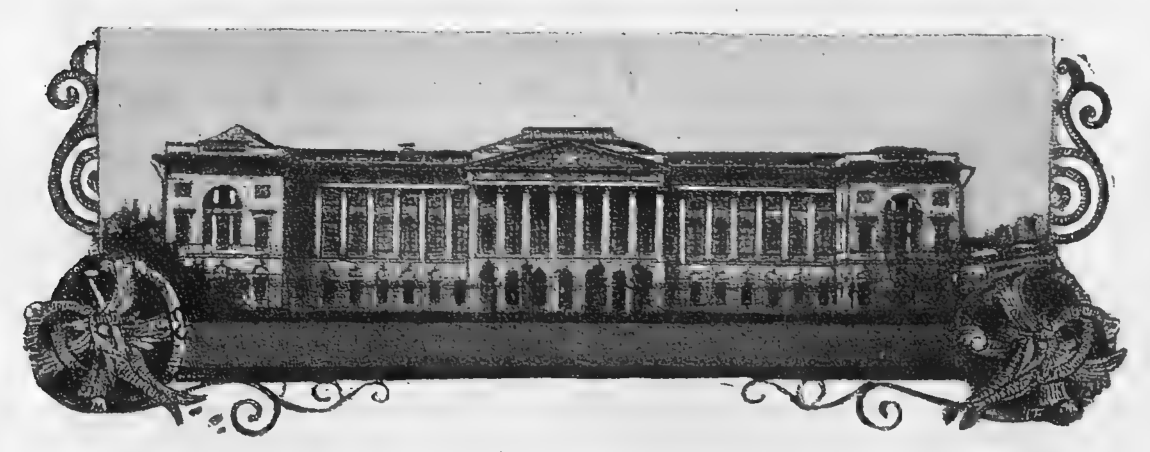
Невольно охватываетъ чувство народной гордости при видѣ той высоты вліянія на политическія дѣла всего міра, на какую восшелъ въ ту пору Русскій государь.

Жалки тѣ люди, которые, живя въ Россіи, никогда не чувствуютъ народной гордости...

Но вы на примѣрѣ императора Александра III увидите, какъ лживы чувства этихъ изгоевъ Русской земли.

Въ послѣдніе годы жизни императора Александра III ничто важное въ Европѣ не могло уже совершиться безъ его согласія; первенство въ ней уже ушло изъ рукъ Германіи, перешло къ Россіи, и вѣсы европейскаго равновѣсія были въ рукахъ Александра III, и безъ его воли никто и нигдѣ не въ силахъ былъ тогда нарушить миръ, начать войну.

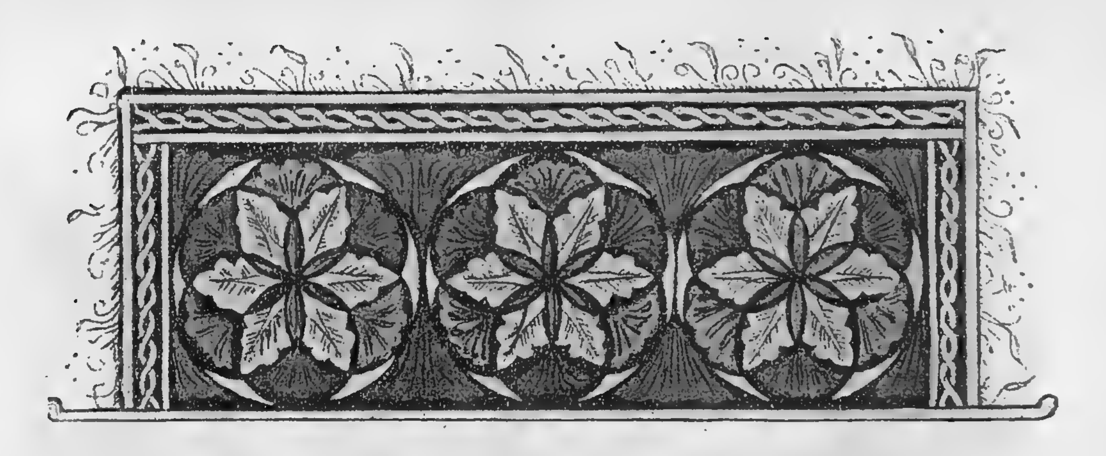
На протяженіи минувшаго XIX столѣтія три раза гегемонія въ Европѣ переходила къ отдѣльнымъ лицамъ: Наполеону I, князю Бисмарку и Александру III. Но господство перваго и второго крайне тяготило всѣ народы, ждавшіе съ величайшимъ нетерпѣніемъ конца ихъ преобладанія.

Русскій Музей Александра III въ Петербургѣ.

Совсѣмъ не то было по отношенію къ значенію въ Европѣ императора Александра III. Это раскрыла его предсмертная болѣзнь и его праведная кончина.

Царствованіе императора Александра III продолжалось вполовину менѣе, чѣмъ его отца, и потому не могло осуществить многихъ плановъ государя и дать вполнѣ развиться тому, чему онъ положилъ начало. Но совершенное имъ, среди смутныхъ и крайне трудныхъ обстоятельствъ, надломило его могучія, богатырскія силы, и онъ сошелъ въ преждевременную могилу.

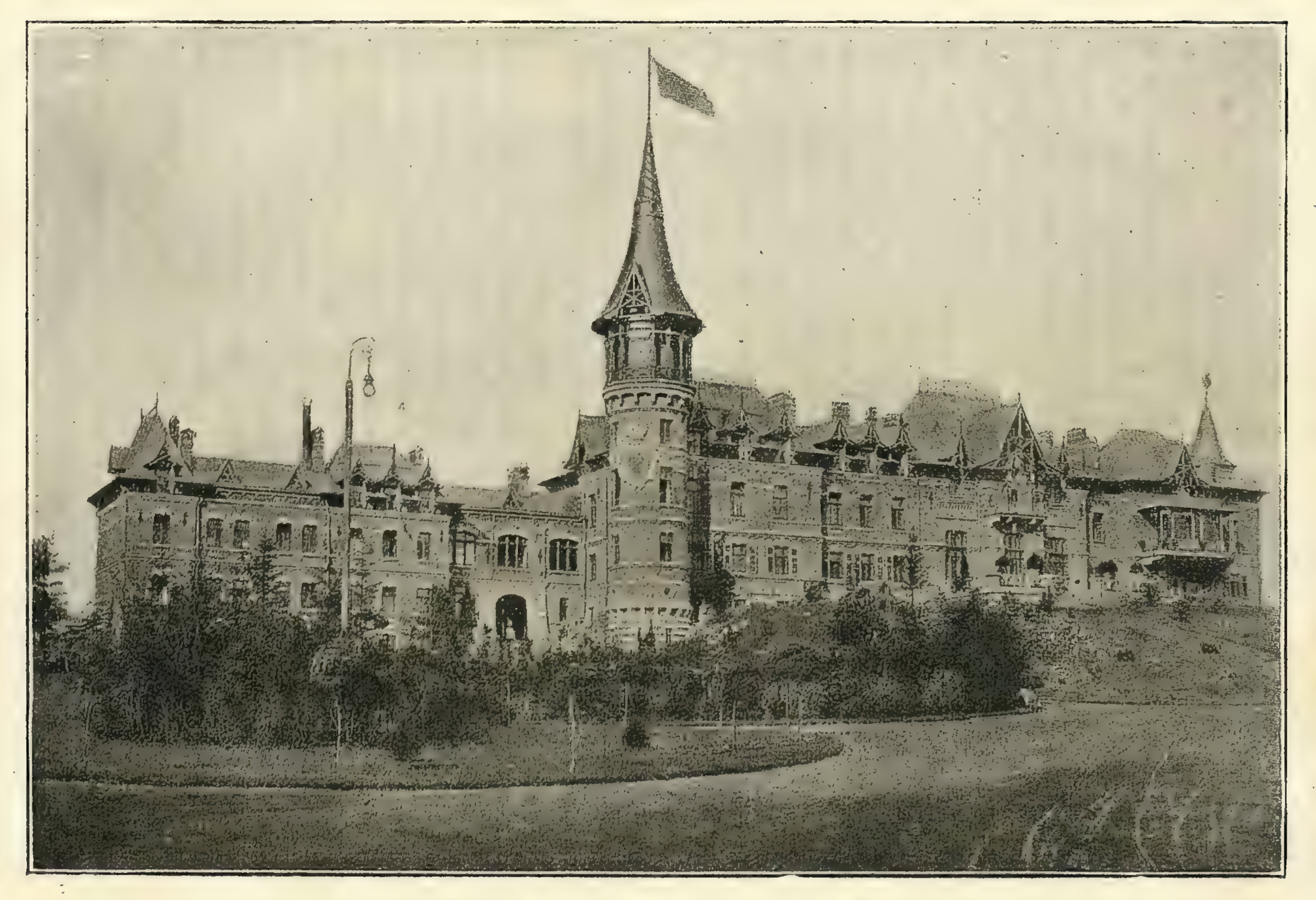
IV.

Болѣзнь государя и дни ливадійскихъ его страданій.— Кончина его 20 октября 1894 года.—Потрясающія впечатлѣнія этого событія въ Россіи и во всѣхъ странахъ міра. — Отзывы иностранцевъ о почившемъ императорѣ Александрѣ III и значеніи его личности и его дѣяній.

На долю императора Александра III достались тяжелыя физическія и нравственныя испытанія, вмѣстѣ съ неустанно напряженнымъ трудомъ, сломившія его могучія силы. Еще не вполнѣ закрылась та глубокая рана, которую нанесла Александру Александровичу преждевременная смерть горячо любимаго брата, какъ, среди волновавшихъ всѣхъ проявленій крамолы, его поразилъ тифъ въ самой тяжелой формѣ. Онъ оставилъ сильные слѣды на самой его внѣшности; цесаревичъ, несмотря на 27 лѣтъ, навсегда лишился половины своихъ густыхъ волосъ. Тяжелые труды въ войну 1877—1878 года, глубокія волненія отъ частыхъ покушеній на жизнь отца-вѣнценосца глубоко отзывались на немъ. Чего же стоило ему громадное потрясеніе 1 марта 1881 года? Даже близкіе люди, при замкнутомъ и молчаливомъ его характерѣ, мало знаютъ, что творилось въ душѣ этого царя-богатыря въ продолженіе его царствованія. Но въ народъ проникъ слухъ, что въ свои тяжелые моменты, которыхъ было не мало, онъ ночью одинъ уходилъ каждый разъ въ домовую церковь Аничкова дворца и тамъ подолгу оставался при свѣтѣ одной лампады... На другой день всѣ видѣли его бодрымъ и спокойнымъ, и никто не замѣчалъ пережитыхъ чрезвычайныхъ напряженій его духа. Страшное крушеніе поѣзда въ Боркахъ, 17 октября 1888 года, когда Господь спасъ жизнь царя и его семьи отъ ужасающей опасности, не могло не отразиться также на здоровьѣ его: въ лицѣ его появилась нѣкоторая блѣдность. Но онъ умѣлъ даже отъ семьи своей скрывать свои недуги и послѣ того удвоилъ свои занятіи, что успокоило всѣхъ видимой безрезуль-

Петергофъ. Дача Александрія.

Дворецъ въ Бѣлой Вѣжѣ.

татностью испытаннаго среди обломковъ поѣзда потрясенія. Но болѣзнь не любившаго лѣчиться государя дѣлала свое дѣло. Въ 1893 году, въ пребываніе его въ Даніи, у него открылось сильное кровотеченіе носомъ, замѣчались ослабленіе силъ и лихорадочное состояніе. Въ слѣдующемъ 1894 году въ январѣ государь страдалъ отъ сильной инфлуэнціи, соединившейся съ немаловажными сердечными припадками. Пришлось много уговаривать государя, чтобы онъ выслушалъ совѣтъ профессора Захарьина, который находилъ крайнюю необходимость для больного не утомлять себя занятіями, давать себѣ болѣе времени для сна и отдыха и избѣгать простуды: государь нѣсколько занялся здоровьемъ, но не выполнялъ медицинскихъ требованій во всей силѣ. Въ іюнѣ обнаружилось новое ухудшеніе въ здоровьѣ, и вызванный въ Петербургъ Захарьинъ установилъ начавшуюся болѣзнь почекъ и не скрылъ отъ больного своихъ серьезныхъ опасеній. Однако государь не покинулъ Петергофа, продолжалъ обычныя свои занятія и 7 августа въ Красносельскомъ лагерѣ, объѣзжая войска, сдѣлалъ галопомъ 12 верстъ. Переѣздъ двора сперва въ Бѣловѣжскую пущу, а потомъ въ Спалу, при сырой погодѣ, не помѣшалъ быстрому развитію болѣзни. Не помогла и прекрасная погода въ Крыму, куда государь прибылъ 21 сентября, сильно похудѣвши и пожелтѣвши. Здѣсь онъ все еще бодрился и дѣлалъ прогулки въ экипажѣ. 4 октября была его послѣдняя прогулка, во время которой ему сдѣлалось дурно, отекъ ногъ со дня на день увеличивался, сердце работало слабо, силы падали...

5 октября осторожно составленный Захарьинымъ и вызваннымъ изъ Берлина профессоромъ Лейденомъ бюллетень о серьезной болѣзни государя заставилъ вздрогнуть не только всю Россію, но и весь міръ. Всѣ въ страхѣ за жизнь пріобрѣвшаго мощное вліяніе вездѣ и всюду Императора стали молиться объ его выздоровленіи. Для всѣхъ и для самаго страдальца стало яснымъ, что конецъ приближается. Поразительны были свѣтлое настроеніе и мужественное спокойствіе самого царственнаго больного. Несмотря на слабость, безсонницу и сердцебіеніе, онъ все еще не хотѣлъ слечь въ постель и усиливался продолжать занятія государственными дѣлами, изъ коихъ послѣдними были письменные доклады по Дальневосточнымъ дѣламъ, а именно о Кореѣ.

Уже 9 октября больной самъ сказалъ своему духовнику опредѣленно, что чувствуетъ близость смерти, и съ большою радостью выслушалъ его предложеніе причаститься св. таинъ. Объ одномъ только жалѣлъ, что не можетъ попрежнему, какъ обычно въ Ве-

ликомъ посту, приготовиться къ этому великому таинству. Во время скоро состоявшейся исповѣди государь, какъ здоровый, преклонилъ колѣни и клалъ земные поклоны. Но для причащенія уже не могъ самъ подняться: его подняли Государыня и духовникъ. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ государь причастился тѣла и крови Христовыхъ.

На другой день, 10 октября государь бодро и задушевно встрѣтилъ утромъ прибывшаго въ Ливадію отца Іоанна Кронштадтскаго, а вечеромъ—невѣсту своего первенца—принцессу Алису Гессенскую, поспѣшившую въ Крымъ.

На привѣтствіе уважаемаго пастыря государь съ отличавшею его скромностью сказалъ: „Не смѣлъ я самъ пригласить васъ въ такой далекій путь, но когда великая княгиня Александра Іосифовна предложила мнѣ пригласить васъ въ Ливадію, я съ радостью согласился на то, и благодарю, что вы прибыли. Прошу помолиться за меня: я очень недомогаю". „Затѣмъ онъ, какъ передавалъ отецъ Іоаннъ, перешелъ въ другую комнату и попросилъ меня помолиться вмѣстѣ съ нимъ. Больной сталъ на колѣни, а я сталъ читать молитвы; его величество молился съ глубокимъ чувствомъ, склонивъ голову и углубившись въ себя. Когда я кончилъ, онъ всталъ и просилъ меня впередъ молиться".

Вечеромъ для встрѣчи Невѣсты Сына онъ приказалъ подать себѣ мундиръ, надѣлъ его и, несмотря на опухоль ногъ, пошелъ Ей навстрѣчу и выразилъ Ей отеческія чувства, принявъ Ее, какъ родную, близкую сердцу дочь...

Волненіе этого дня, повидимому, хорошо подѣйствовало на больного, и онъ сталъ чувствовать себя лучше, что продолжалось до 18 октября. Въ окружающихъ зажглась надежда на выздоровленіе государя.

Въ знаменательный день, 17 октября, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій второй разъ причастилъ государя святыхъ таинъ. Послѣ обѣдни онъ вошелъ къ больному со святою чашей въ рукахъ. Царь твердо, раздѣльно и съ глубокимъ чувствомъ повторялъ за священнослужителемъ слова: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ"... и благоговѣйно причастился изъ чаши. Слезы умиленія падали на грудь его. Опять почувствовался подъемъ бодрости, и государь снова принялся было за дѣла и работалъ даже ночью. Но ему стало хуже, открылся воспалительный процессъ въ легкихъ и кровохарканіе. Умирающій мужественно боролся съ недугомъ и проявлялъ силу своей воли. 18-го числа въ послѣдній разъ отправленъ

Царское семейство.

Ливадійскій дворецъ.

былъ въ Петербургъ фельдъегерь съ рѣшенными дѣлами. На слѣдующій день Государь еще разъ пытался заниматься и на нѣсколькихъ докладахъ въ послѣдній разъ написалъ: „Въ Ливадіи. Читалъ“... Но это былъ уже послѣдній день службы царской Россіи: великій труженикъ Земли Русской сильно ослабѣлъ и ждалъ уже близившагося перехода въ другой міръ.

Ночь государь провелъ безъ сна, очень ожидалъ разсвѣта, и, сойдя съ постели, сѣлъ въ кресло. Наступилъ день мрачный и холодный; поднялся сильный вѣтеръ; море стонало отъ сильнаго волненія...

Въ семь часовъ государь послалъ за Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и около часа бесѣдовалъ съ Нимъ наединѣ. Послѣ того позвалъ Государыню Императрицу, заставшую его въ слезахъ. Онъ сказалъ ей: „Чувствую свой конецъ“. Государыня сказала: „Ради Бога, не говори этого: ты будешь здоровъ“.—„Нѣтъ,—твердо отвѣтилъ государь.—Это тянется слишкомъ долго: чувствую, что смерть близка. Будь покойна. Я совершенно покоенъ“. Къ 10 часамъ около умирающаго собрались родные, и онъ въ полномъ сознаніи старался каждому сказать привѣтливое слово. Вспомнивъ, что 20 числа рожденіе Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, государь пожелалъ ее поздравить. Бесѣдуя съ близкими, онъ не забывалъ о душѣ своей и просилъ позвать духовника для совершенія молитвъ и пожелалъ опять причаститься Святыхъ Тайнъ...

Не стану говорить, какъ царь-сынъ, вся царственная семья и весь русскій народъ горячо молились о великомъ боровшемся со смертью государѣ, чтобы Богъ продлилъ его жизнь. Въ дни ливадійскихъ страданій его всѣ народы не только Стараго Свѣта, но и Америки, всѣхъ государствъ, не только конституціонныхъ монархій, но и демократическихъ республикъ, узнавъ о роковой болѣзни императора Александра III, просили Бога продлить дни этого благодѣтельнаго государя. Вотъ не легендарныя сказанія, а факты недавней дѣйствительности. Еще можно не удивляться, что французы въ своихъ храмахъ, начиная съ собора Париж-

ской Богоматери, творили всенародныя молитвы объ исцѣленіи умиравшаго Русскаго царя. Вѣдь онъ не далъ Бисмарку раздавить одинокую Францію... Но становится удивительнымъ, что происходило въ странахъ, несвязанныхъ съ нами своими интересами. Глава католической церкви—римскій папа Левъ XIII самъ совершалъ, по случаю болѣзни православнаго царя, заздравныя о немъ мессы. То же дѣлали холодные и враждебно настроенные англичане: забывъ какъ будто парламентаризмъ свой, они молили Царя царей, чтобы Онъ поднялъ съ смертнаго одра Русскаго самодержца. Глава демократической республики Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Кливлэндъ, съ своими министрами и депутатами тамошняго парламента служилъ заздравный молебенъ объ умиравшемъ царѣ и одинъ изъ первыхъ раскрылъ, почему міръ весь желаетъ своими молитвами удержать на землѣ жизнь Русскаго государя. Въ своей рѣчи послѣ молебна Кливлэндъ говорилъ: „Болѣзнь царя я считаю настоящимъ международнымъ бѣдствіемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что предъ лицомъ всего міра царь представляетъ собою *великій образъ силы и мира*. Вотъ почему его царствованіе должно быть занесено во всемірную исторію съ чувствомъ глубокой благодарности".

Но возвратимся въ Ливадію. Совершивъ причащеніе государя, духовникъ хотѣлъ удалиться, чтобы оставить умиравшаго среди семьи, но государь остановилъ его и сердечно благодарилъ. Пастырь, наклонившись къ государю, благодарилъ его за святую Церковь, за то, что онъ всегда былъ ея неизмѣннымъ сыномъ и вѣрнымъ защитникомъ, за Русскій народъ, которому жертвовалъ всѣ свои силы, и, наконецъ, высказалъ твердую надежду, что въ небесныхъ селеніяхъ ему уготовано непреходящее царство славы и блаженства со всѣми святыми.

Въ 11 часовъ положеніе больного сдѣлалось особенно труднымъ, одышка увеличивалась, дѣятельность сердца падала, и онъ попро-

Гробъ Александра III въ Москвѣ.

силъ позвать отца Іоанна Кронштадтскаго, который прибывъ помазалъ тѣло государя масломъ изъ лампады и, по просьбѣ его, положилъ руки на его голову. Опасаясь, что уважаемый пастырь утомился, умирающій просилъ его отдохнуть, а когда тотъ спросилъ, не утомляетъ ли онъ его, держа на головѣ руки, услыхалъ: „Напротивъ, мнѣ очень легко, когда вы ихъ держите,—и трогательно прибавилъ:—васъ любитъ Русскій народъ“. Слабѣющимъ голосомъ государь старался выразить свою прощальную ласку то Императрицѣ, то дѣтямъ. Они стояли около него, государыня держала его за руку. Въ два часа пульсъ усилился. Наступали послѣднія минуты. Царственный страдалецъ, поддерживаемый за плечи Цесаревичемъ, склонилъ голову на плечо государыни, закрылъ глаза и тихо почилъ. Было 2 часа 15 минутъ пополудни... Такъ окончилъ свое житіе этотъ „добрый страдалецъ за Русскую Землю“, какъ называли въ древней Руси его святого покровителя Благовѣрнаго Александра Ярославича Невскаго.

Вѣнокъ президента французской республики.

Такимъ образомъ горячія молитвы о царѣ русскомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, не были услышаны, и онъ покинулъ этотъ міръ, какъ будто для того, чтобы повсюду еще выше оцѣнили всѣ тѣ сокровища, которыя въ немъ потеряли не одна Россія и Русскій народъ. Понятно, что весь французскій народъ горячими слезами и жаркой молитвой встрѣтилъ кончину Русскаго императора. Но въ этой республикѣ были оказаны ему такія почести, какъ будто онъ былъ ея возлюбленнымъ государемъ, какъ будто французы сдѣлались русскими монархистами. Всѣ государственныя, всѣ общественныя зданія, всѣ храмы были покрыты трауромъ. По полученіи печальной телеграммы, обѣ палаты французскаго парламента, т.-е. сенатъ и палата депутатовъ, были созваны въ чрезвычайныя засѣданія и послѣ звучавшихъ надгробнымъ плачемъ рѣчей своихъ президентовъ были тотчасъ закрыты, въ знакъ глубокаго національнаго горя. Министръ внутреннихъ дѣлъ телеграфировалъ всѣмъ префектамъ Франціи: „Прикажите вездѣ спустить флаги Французской Республики въ знакъ національнаго траура. Русскій императоръ скон-

чался“... Цѣлая тьма телеграммъ сочувствія и скорби полетѣла изъ Франціи къ подножію Русскаго Престола къ вступившему на него молодому Императору Николаю II. Сотни золотыхъ, серебряныхъ и всякихъ иныхъ вѣнковъ чрезвычайное посольство Франціи въ цѣломъ поѣздѣ повезло въ Петербургъ ко дню погребенія. Французскіе рабочіе также послали на гробъ русскаго царя свой трудовой серебряный вѣнокъ.

Но не говорите, что это было среди увлекающихся своею дружбой и союзомъ съ Россіей французовъ, которые были обязаны почившему тѣмъ, что Франція не была раздавлена. Холодная и враждебная намъ Англія не могла не оцѣнить величія заслугъ предъ Европою нашего государя: и здѣсь его прославляли, плакали по немъ, молились за него въ храмахъ.

Маститая королева Викторія, въ качествѣ главы англійской церкви, повелѣла въ день погребенія нашего государя отслужить во всѣхъ храмахъ Англіи поминальныя службы, а на службѣ въ Виндзорѣ приказала внести въ англійскій служебникъ погребальныя пѣснопѣнія изъ нашего православнаго богослуженія. И вотъ дворъ и министры Англіи, преклоняя колѣни, впервые услыхали наши пѣснопѣнія на англійскомъ языкѣ: „Со святыми упокой, Христе, душу раба своего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но

Императоръ Александръ III въ послѣдніе годы своего царствованія.

жизнь безконечная“. Звучала здѣсь и другая наша церковная пѣснь: „Самъ единъ еси Безсмертный“..., оканчивающаяся словами: „надгробное рыданіе творяще пѣснь“...

Но оставимъ въ сторонѣ эти внѣшнія проявленія невиданнаго еще въ исторіи всемірнаго траура по чужомъ государѣ и вникнемъ во внутреннюю сущность этого незапамятнаго явленія.

Почему же именно кончина императора Александра III объединила весь міръ, всѣ его народы въ одномъ чувствѣ скорби? Потому, конечно, что онъ далъ народамъ міра именно то, чего не въ силахъ былъ дать ни одинъ изъ всѣхъ ихъ представителей, чего не могли дать ни вожди демократій, въ родѣ Карно и Кливлэнда, ни представители парламентаризма, въ родѣ Гладстона и Бэконсфильда, ни представители западной диктатуры, какъ князь Бисмаркъ, ни представители милитаризма, какъ Мольтке и императоръ Вильгельмъ II. Они не могли обезпечить кичащейся своей цивилизаціей Европѣ столь ей необходимаго справедливаго мира, его далъ ей Русскій Самодержецъ, наименованный всѣми народами Царемъ-Миротворцемъ, и этотъ миръ не былъ нарушенъ во все тринадцатилѣтнее царствованіе императора Александра III... „Чѣмъ торопливѣе рука смерти,—мѣтко сказалъ одинъ изъ русскихъ историковъ—В. О. Ключевскій,—спѣшила закрыть его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія. Наконецъ и камни возопіяли: органы общественнаго

мнѣнія Европы (т.-е. ея парламенты и газеты) заговорили о Россіи правду... Оказалось, по ихъ признаніямъ, что Европейская цивилизація (съ ея конгрессами, съ институтомъ международнаго права, съ ея правовымъ порядкомъ, конституціями и парламентами), недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе. Европейская цивилизація помѣстилась на пороховомъ погребѣ (чрезмѣрныхъ вооруженій). Горящій фитиль не разъ съ разныхъ (самыхъ передовыхъ, архикультурныхъ сторонъ—изъ Германіи, Англіи и Франціи) приближался къ этому опасному оборонительному складу, и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука Русскаго царя тихо и осторожно отводила его"...

Но историкъ не выяснилъ, почему же сдѣлала это не другая, а самодержавная рука *Русскаго* царя и именно *этого*, а не другого. Вѣдь и Александръ I, низложивъ Наполеона и даровавъ Европѣ миръ и охраняя его немного больше, чѣмъ Александръ III, не привлекъ къ себѣ такого сочувствія, какъ этотъ послѣдній. Дѣло въ томъ, что Александръ I былъ, по своимъ воззрѣніямъ, космополитъ и въ своихъ дѣйствіяхъ руководился западно-европейскими принципами и пользовался ея западно-европейскими средствами, напр., дипломатическими, въ родѣ Меттерниха и Талейрана, и конгрессами и въ свое миротворчество и въ свою гегемонію не вносилъ той новой для Запада, чисто-русской правды, какою жилъ и дышалъ истинно-русскій царь Александръ III. Отъ перваго на самый Западъ вѣяло свое—старое, отъ Александра же III—новое и совершенно Западу невѣдомое.

Чрезвычайно поучительно извлечь изъ той громадной библіотеки иностранныхъ отзывовъ объ Александрѣ III именно то, что рисуетъ его истинно-русскія черты, которыя и были кореннымъ началомъ его мірового значенія, глубокимъ источникомъ его миротворчества. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Флурансъ, бывшій по-

Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Государыня Императрица Александра Θеодоровна.

сломъ въ Петербургѣ въ періодъ нашего сближенія съ Франціей, писалъ о немъ въ посвященной ему „Золотой книгѣ Франціи“:

„Александръ III былъ истинно-русскимъ царемъ, какого до него Россія давно уже не видала. Конечно, всѣ Романовы были преданы интересамъ и величію своего народа. Но побуждаемые желаніемъ дать своему народу западно-европейскую культуру, они искали идеаловъ внѣ Россіи, то во Франціи, то въ Германіи, то въ Англіи и Швеціи. Императоръ Александръ III пожелалъ, чтобы Россія была Россіей, чтобы она прежде всего была русскою, и самъ онъ подавалъ тому лучшіе примѣры. Онъ явилъ собою идеальный типъ истинно-русскаго человѣка“... Академикъ Анатоль Леруа-Болье говорилъ о почившемъ: „Исторія назоветъ его истинно-русскимъ царемъ... Да онъ былъ вполнѣ русскимъ и любилъ это показать. Не взирая на высокое занимаемое имъ положеніе, простой русскій крестьянинъ видитъ въ немъ плоть и кровь своего народа. Въ этомъ смыслѣ память о немъ навѣки сохранится среди русскаго народа, видѣвшаго въ своемъ царѣ легендарнаго героя своего“...

Другой французъ говоритъ, что „онъ былъ однимъ изъ монарховъ, наиболѣе возвеличившихъ царскій санъ. Со своими задумчивыми голубыми очами, со своими широкими плечами, съ громаднымъ ростомъ, онъ являлся живымъ олицетвореніемъ самодержавной Русской Царской власти“...

Извѣстный французскій писатель Франсуа Коппе говорилъ: „Въ нашихъ сердцахъ мы еще долго будемъ хранить трауръ по благородномъ и справедливомъ императорѣ Александрѣ III. Во время своего слишкомъ кратковременнаго царствованія онъ былъ представителемъ того, что, можетъ-быть, есть наилучшаго въ человѣчествѣ— высочайшей силы, *совершенно свободной, руководимой совѣстью и желаніемъ блага*“.

Описывая пріемъ русскихъ моряковъ въ Парижской городской думѣ, тотъ же писатель говорилъ: „Когда хоръ консерваторіи, скрытый въ верхней галлереѣ, исполнилъ величественный русскій народный гимнъ, нужно было видѣть этихъ бородачей демократовъ и соціалистовъ, членовъ муниципалитета, съ какимъ благоговѣніемъ внимали они словамъ торжественной молитвы о благоденствіи православнаго царя.

„Эти отъявленные масоны, которые не переступили бы порога церкви даже ради похоронъ своихъ лучшихъ друзей, невольно,

подчиняясь общему восторженному настроенію, забыли свой фанатизмъ, вывернутый наизнанку.

„Исторія скажетъ, что, имѣя самодержавную власть, Александръ III отдалъ ее на служеніе правдѣ, что, будучи самымъ сильнымъ, онъ стремился быть и самымъ справедливымъ, и имя его будетъ занесено въ число великихъ историческихъ именъ, прославившихся мудростью и добрыми дѣлами.

„Какъ прекрасна власть,— продолжаетъ Коппе,— когда она понимаетъ и исполняетъ свое назначеніе. Сколько величія въ этомъ царѣ, которому повиновался и котораго вмѣстѣ съ тѣмъ обожалъ многомилліонный народъ. Этотъ царь, бросивъ грозный взглядъ на Европу, былъ возмущенъ безнравственнымъ и недостойнымъ союзомъ трехъ противъ одного, онъ громовымъ своимъ голосомъ сказалъ: „Довольно!“ и, бросивъ свой мечъ на наиболѣе легкую чашку вѣсовъ, установилъ равновѣсіе и обезпечилъ миръ міра. Я не могу игнорировать то жестокое заблужденіе, въ коемъ мы уже давно пребываемъ, благодаря правительству, созданному самимъ же народомъ. Я съ грустью наблюдаю безплодную болтовню, напрасную суету нашихъ собраній, въ которыхъ участвуютъ самые посредственные, недостойные люди, попавшіе въ число депутатовъ, по глупому капризу избирательнаго большинства; съ неменьшимъ сокрушеніемъ смотрю я и на представителей нашей власти, представителей почти безотвѣтственныхъ, въ большинствѣ случаевъ, не умѣющихъ желать и не знающихъ, чего, собственно, слѣдуетъ имъ добиваться... Сколько смутъ, раздоровъ, безпорядковъ. Какой во всемъ недосмотръ! Какое безсиліе власти!..“

Французскій поэтъ Арманъ Сильвестръ писалъ: „Александръ III воплощалъ всю Россію... Я почувствовалъ себя русскимъ, узнавъ о кончинѣ того, кто всю Россію воплощалъ въ своей великой душѣ и глубокомъ сердцѣ. Какъ раскаивался я въ своихъ предубѣжденіяхъ западника при видѣ русской цивилизаціи, возникшей послѣдовательно и логично! Я преисполнился чувствомъ безпредѣльнаго восторга, при видѣ августѣйшаго вождя русскаго народа, безконечно справедливаго и безгранично добраго. Все, что мнѣ удавалось слышать о немъ, свидѣтельствовало о его глубокомъ пониманіи той великой роли, какую онъ призванъ былъ исполнить въ мірѣ. Зная простоту его вкусовъ, скромность привычекъ, его любовь къ своимъ, не могу не сказать, что онъ на своемъ опасномъ посту, на своемъ тронѣ, у подножія котораго еще дымилась кровь его отца, представлялся мнѣ величайшею жертвою долга. Полный самоотвер-

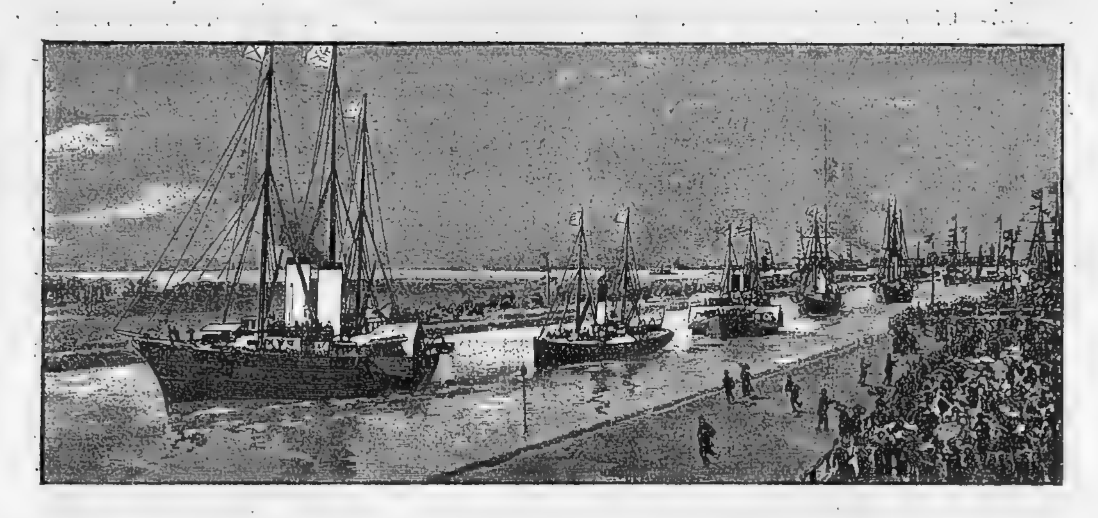
женія, онъ являлъ собою безпримѣрный въ исторіи человѣчества чудный образъ монарха, всецѣло отдавшагося служенію своему народу. Да, онъ былъ истиннымъ царемъ!..

„Онъ былъ отцомъ своего народа. Какъ отецъ, любя свой народъ, готовый, подобно льву, защищать его, онъ успѣлъ оградить отъ всякаго вреднаго иностраннаго прикосновенія великій потокъ славянской крови. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, для кого прежде всего и дороже всего была родная земля!"...

Президентъ французскаго сената Шалемель-Лакуръ говоритъ: „Мы видимъ въ немъ нѣчто безпримѣрное. За послѣдніе дни, когда наука отказалась спасти императора и когда онъ все еще былъ живъ, вся Европа занималась оцѣнкою его дѣятельности, и какъ человѣка и какъ государя—и не оказалось ничего, что не дѣлало бы чести его прямотѣ, уму, честности, твердости въ рѣшеніяхъ, высотѣ духа, гдѣ не было ничего запутаннаго, гдѣ все сводилось къ величію Россіи, при посредствѣ мира, къ горячему и неуклонному желанію предотвратить войну"...

Приводя эти отзывы иностранцевъ объ императорѣ Александрѣ III, мы видимъ, что въ образѣ покойнаго государя для Европы какъ бы отразился весь духовный складъ русскаго народа. Европа твердила и настаивала на томъ, что онъ былъ русскій человѣкъ съ головы до ногъ. Въ заслугу ему ставили именно то, что, по мнѣнію самыхъ лучшихъ европейскихъ умовъ, уже совершенно расшатано въ Европѣ и мало тамъ цѣнится: его религіозность, его правдивость, его искренность, его кротость, его семейныя добродѣтели. „Теперь, когда въ модѣ фальшивый космополитизмъ, — писалъ Леруа-Болье,— Александръ III былъ русскимъ и духомъ и тѣломъ"... Одна французская газета говоритъ, „что въ Европѣ уже нѣтъ такихъ людей, какъ Александръ III, они тамъ невозможны: въ Европѣ все продажно, все шатко. Тамъ главный девизъ: блаженны захватившіе (beati possidentes), Александръ III провозглашаетъ другой совсѣмъ,—христіанскій принципъ: блаженны миротворцы"...

Первый министръ на родинѣ парламентаризма въ Англіи лордъ Розберри въ своей рѣчи, посвященной памяти Русскаго царя, сказалъ: „Правда и миръ были его лозунгомъ. Императоръ не былъ ни Цезаремъ, ни Наполеономъ. Но если міръ можетъ гордиться не менѣе великими побѣдами, чѣмъ война, то безспорно, что русскій императоръ будетъ пользоваться въ исторіи такою же славою, какая выпала на долю Цезаря и Наполеона. Всѣ единогласно утверждаютъ, что его личность и его характеръ обезпечивали Европѣ

Морской каналъ Александра III въ Петербургѣ.

миръ". Другой первый министръ Англіи, враждовавшій противъ Россіи — маркизъ Сольсбери публично высказалъ: „Александръ III много разъ спасалъ Европу отъ ужасовъ войны. По его дѣяніямъ должны учиться государи Европы, какъ управлять своими народами". Объясняя, почему въ продолженіе царствованія нашего государя нигдѣ не было войны, онъ говорилъ: „Да, страшенъ гнѣвъ Русскаго самодержца, особенно такого"...

Въ одной изъ распространенныхъ нѣмецкихъ газетъ мы читали: „Александръ III отказался отъ плановъ, созрѣвшихъ въ концѣ предшествующаго царствованія, и выразилъ свою непреклонную волю утвердить неограниченную самодержавную власть. Онъ возымѣлъ желаніе исправить найденный имъ порядокъ вещей, очистить и преобразовать силою своего полномочнаго единовластія. Основой укрѣпленія государства долженъ былъ стать русскій духъ,—духъ преданности православной Церкви, безусловнаго подчиненія волѣ царя и охраненія національныхъ особенностей Русскаго государства. Если, при его предшественникахъ, преобразованія совершились при содѣйствіи чужестранцевъ, то отнынѣ все чужое должно было отступить на задній планъ, а на первое мѣсто стать все настоящее русское. Въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ ранѣе преобладали разнородныя національности, все русское получило преимущественное положеніе, ради цѣлостности государства и установленія въ немъ единства вѣры, языка и нравовъ... Россія вернулась на путь самобытнаго національнаго развитія"...

Въ Александрѣ III, какъ въ человѣкѣ и государѣ, Европа, такимъ образомъ, увидала откровеніе чисто-русскаго народнаго духа и изумленная старалась постигнуть смыслъ этого откровенія. Она видѣла предъ собою явленіе колоссальное, какъ бы всю Россію, сосредоточенную въ одномъ лицѣ, угадывала нѣкоторыя черты этого явленія духа, а не самую глубокую его сущность. Европа говоритъ: „онъ былъ религіозенъ, правдивъ, кротокъ, миротворенъ, справедливъ, твердъ" и т. д. Но Европа не видитъ, въ чемъ гармонія этихъ качествъ, къ какому центру они сводятся.

Разгадка его личности и его дѣятельности въ томъ, что онъ былъ истинно-православнымъ христіаниномъ. Онъ былъ глубоко проникнутъ православною вѣрою своего Русскаго народа. Отсюда его величавое спокойствіе, его увѣренность и твердость. Онъ зналъ, что онъ дѣлаетъ не свое, а Божье дѣло. И онъ положилъ всю свою жизнь за народъ, врученный ему Богомъ, спасая свою душу. Онъ, смиренный сердцемъ, не радовался власти, а принялъ свою самодержавную власть, какъ тяжкій крестъ, который Провидѣніе предназначило ему нести, какъ бремя, какъ подвигъ. И онъ несъ этотъ крестъ до конца, пока не изнемогъ подъ его тяжестью, но зато онъ и спокойно предалъ свой духъ въ руки Божіи... („Моск. Вѣд."). Прекрасно выразилъ это нашъ талантливый поэтъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Съ душой, проникнутой любовью и смиреньемъ,
Съ печатью благости и мира на челѣ,
Онъ былъ ниспосланнымъ отъ Бога воплощеньемъ
Величія, добра и правды на землѣ.

Въ дни смуты, въ темное, безрадостное время
Мятежныхъ замысловъ, безвѣрья и угрозъ,
Подъялъ на рамена онъ царской власти бремя
И съ вѣрой до конца то бремя Божье несъ.

Но не гордынею и силой грозной власти,
Не блескомъ суетнымъ, не кровью и мечомъ—
Онъ ложь, и непріязнь, и лесть, и злыя страсти
Смирилъ и побѣдилъ лишь правдой и добромъ.

Онъ возвеличилъ Русь, свой подвигъ ни единой
Не омрачивъ враждой, не требуя похвалъ;
И — тихій праведникъ — предъ праведной кончиной,
Какъ солнце въ небесахъ, надъ міромъ просіялъ!

Траурная процессія у Чудова монастыря въ Москвѣ.

Въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Людская слава—дымъ, и жизнь земная — бренна.
Величье, шумъ и блескъ — все смолкнетъ, все пройдетъ!
Но слава Божія безсмертна и нетлѣнна:
Царь-праведникъ въ родныхъ преданьяхъ не умретъ.

Онъ живъ — и будетъ жить! — И въ горнюю обитель
Съ престола вознесенъ, передъ Царемъ царей
Онъ молится — нашъ царь, нашъ свѣтлый покровитель—
За Сына, за Семью, за Русь... за всѣхъ людей!

Москва, которую такъ горячо и такъ глубоко любилъ этотъ великій царь, воздвигаетъ ему два памятника: монументъ, который воспроизведетъ его величавый обликъ, и обширный музей изящныхъ искусствъ, посвященный его имени...

Русскій народъ видитъ въ немъ наилучшее осуществленіе идеала Русскаго православнаго царя, положившаго конецъ разрыву древней Руси съ новою...

Въ подписанномъ 20 октября манифестѣ о восшествіи Своемъ на Престолъ Государь Императоръ Николай Александровичъ изволилъ сказать о кончинѣ Своего царственнаго родителя:

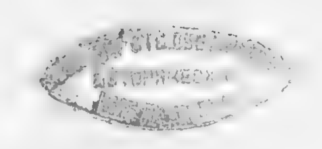
„Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по государѣ, безвременно отошедшемъ въ вѣчность и оставившемъ родную землю, которую любилъ всею силой своей русской души и на благоденствіе которой онъ полагалъ всѣ помыслы свои, не щадя ни здоровья своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами, никогда не перестанутъ чтить память царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный въ его царствованіе“.

Слова Государя съ поразительною силою подтверждены были величественными изъявленіями глубочайшаго сочувствія къ горю Царя и Россіи безусловно со всѣхъ сторонъ. Народъ громадными массами стекался не только на станціяхъ, чрезъ которыя проходилъ поѣздъ съ гробомъ почившаго, но и сходился вдали отъ селъ и городовъ на самыхъ рельсахъ, чтобы поклониться ему при быстромъ его слѣдованіи. Москва облеглась въ глубокій трауръ и проявила

всю глубину своей любви къ усопшему, во время пребыванія его тѣла въ стѣнахъ Кремля... Петропавловскій соборъ, гдѣ совершилось погребеніе, наполнился вѣнками, и съ трудомъ вмѣщалъ представителей разныхъ государствъ и разныхъ народовъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СПИСОКЪ СВѢТОВЫХЪ КАРТИНЪ.

---

1. Императоръ Александръ III въ концѣ царствованія.
2. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.
3. Великій князь Александръ Александровичъ въ дѣтствѣ.
4. „ „ „ „ въ отрочествѣ.
5. „ „ „ „ въ юности.
6. Наслѣдникъ цесаревичъ въ 1865 году.
7. Бракосочетаніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ.
8. Цесаревичъ со своимъ штабомъ въ Рущукскомъ отрядѣ.
9. Его главная квартира въ болгарскомъ домѣ.
10. Аничковъ дворецъ.
11. Портретъ императора Александра III въ началѣ царствованія.
12. Семейная группа государя.
13. Государь во время священнаго коронованія.
14. Гатчинскій дворецъ.
15. Дворецъ во Фреденсборгѣ въ Даніи.
16. Дворецъ въ Бѣлой Вѣжѣ.
17. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
18. Невѣста Его Высочества принцесса Алиса.
19. Императоръ Александръ III и волостные старшины.
20. Статсъ-секретарь К. П. Побѣдоносцевъ.
21. Графъ Д. А. Толстой.
22. Статсъ-секретарь И. Н. Дурново.
23. Закладка Сибирской желѣзной дороги.
24. Видъ Владивостока.
25. Открытіе морского канала въ Петербургѣ.
26. Прибытіе французской эскадры въ Кронштадтъ.
27. Русскіе моряки въ Тулонѣ.
28. Мостъ Александра III въ Парижѣ.
29. Русскій музей Александра III въ Петербургѣ.
30. Его имени музей изящныхъ искусствъ въ Москвѣ.
31. Мервскій оазисъ.
32. Типы его обитателей.
33. Кушка.
34. Генералъ Комаровъ.
35. Полковникъ Алихановъ.
36. Большой Петергофскій дворецъ.
37. Дача Александрія въ Петергофѣ.

38. Ливадія и ея дворецъ.
39. Императоръ Александръ III на смертномъ одрѣ.
40. Его гробъ въ Москвѣ.
41. Траурная процессія въ Кремлѣ.
42. Гробъ государя въ Архангельскомъ соборѣ.
43. Его могила въ Петропавловскомъ соборѣ.
44. Вѣнокъ отъ Москвы.
45. „ „ чрезвычайной французской депутаціи.
46. „ „ президента французской республики.
47. „ „ французской арміи.
48. „ „ французскаго флота.
49. Государь Императоръ Николай Александровичъ.
50. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.

